

СЕРИЯ «ШОРТ-ЛИСТ»

Чигози
Обиома

РЫ
ба
КИ

Шорт-лист (АСТ)

Чигози Обиома
Рыбаки

«АСТ»

2015

УДК 821.111-31(669)
ББК 84(6Ние)-44

Обиома Ч.

Рыбаки / Ч. Обиома — «АСТ», 2015 — (Шорт-лист (АСТ))

ISBN 978-5-17-100093-6

Четверо братьев из нигерийского города Акуре, оставшись без надзора отца – тот уехал работать на другой конец страны, ходят рыбачить на заброшенную реку, пользуясь у местных жителей дурной славой. Однажды на пути домой братья встречают безумца Абулу, обладающего даром пророчества. Люди боятся и ненавидят Абулу, ведь уста его – источник несчастий, а язык его – жало скорпиона... Безумец предсказывает Икенне, старшему брату, смерть от руки рыбака: одного из младших братьев. Прорицание вселяет страх в сердце Икенны, заставляя его стремиться навстречу року, и грозит разрушением всей семье. В дебютном романе Чигози Обиома показывает себя гениальным рассказчиком: его версия библейской легенды о Каине и Авеле разворачивается на просторах Нигерии 1990-х годов и передана она восхитительным языком, отсылающим нас к сказкам народов Африки.

УДК 821.111-31(669)
ББК 84(6Ние)-44

ISBN 978-5-17-100093-6

© Обиома Ч., 2015
© АСТ, 2015

Содержание

1. Рыбаки	6
2. Река	12
3. Орел	17
4. Питон	25
5. Метаморфоза	35
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Чигози Обиома Рыбаки

«Батальону», моим братьям (и сестрам), посвящается

*Заслышав поступь одного, толпа в бегство не обратится.
Пословица народа игбо*

*Безумец принес в наш дом жестокость
Осквернив священные места
Назвавшись глашатаем высшей истины
Железом подчинив наших первосвященников
Ах! да, детей,
Что топтали могилы наших дедов,
Поразит безумие.
Отрастут у них зубы ящериц
На наших глазах пожрут они друг друга
И по завету предков
Нельзя останавливать их!
Мазиси Кунене¹*

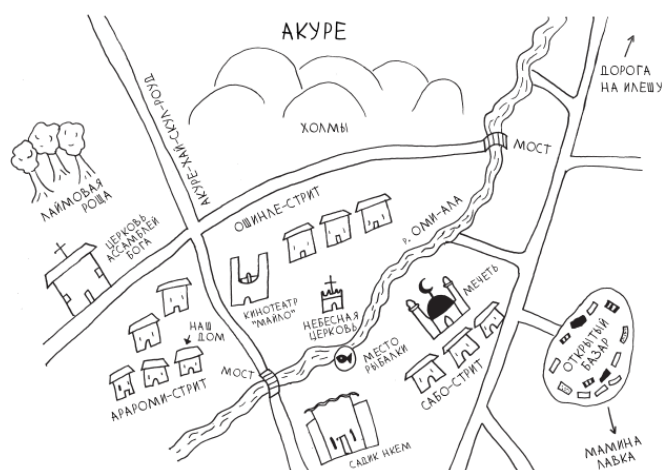
The Fishermen © by Chigozie Obioma, 2015

Illustrations © 2015 Jon Gray

© Абдуллин Н., перевод, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

1. Рыбаки

Мы были рыбаками.

Я и мои братья стали рыбаками в январе 1996-го. Отец тогда уехал из Акуре, города на западе Нигерии, где мы прожили всю жизнь. В первую неделю ноября предыдущего года начальство – а работал отец в Центральном банке Нигерии – перевело его в отделение в городе Йола, что на севере страны. До Йола – огромное, верблюжье, расстояние, больше тысячи километров.

Помню вечер, когда отец вернулся с письмом о переводе; была пятница. Всю ночь потом и всю субботу родители шептались, точно священники, – а утром воскресенья маму было не узнать. По дому она ходила, точно мокрая мышь, отводила глаза. В церковь не пошла, осталась дома: стирала и гладила отцовскую одежду. На лице у нее при этом было непроницаемое мрачное выражение. Ни отец, ни мать не сказали ни слова – ни мне, ни моим братьям: Икенне, Бодже и Обембе, – а мы ни о чем не спрашивали. Понимали: когда два стража нашего дома, отец и мать, вот так замыкаются в молчании – как замыкаются створки сердечных клапанов, удерживающих кровь, – то стоит задеть их, и дом затопит. В такие дни мы с братьями старались не высовываться в гостиную, где на четырехуровневой этажерке стоял телевизор; мы сидели по комнатам: делали уроки или же притворялись, что делаем. Мы тревожились, но вопросов не задавали. Хотя и прислушивались к звукам из гостиной, желая понять, что же все-таки происходит.

К ночи воскресенья до нас начало кое-что долетать. Крохи информации выпадали из монологов матери, как перья из хвоста пушистой птицы.

– Что это за работа такая, если заставляет отца бросить воспитание сыновей? Да будь у меня семь рук, разве же я управлюсь одна с этой оравой?

Хотя мать не обращалась ни к кому конкретно, ее беспокойные вопросы несомненно предназначались отцу. Тот сидел в глубоком кресле, спрятавшись за выпуском любимой газеты «Гардиан»; мать он слушал вполуха, однако слышал все до последнего слова. Он всегда оставался глух, когда к нему обращались не напрямую, и считал, что это «трусливые слова». Как ни в чем не бывало он продолжал читать, лишь изредка выдавая порцию громких комментариев, то возмущаясь, то радуясь написанному в газете: «Если есть в мире справедливость, то эта ведьма, жена Абачи, скоро будет оплакивать мужа» или: «Ох ты, Фела² – просто бог! С ума сойти!», или: «Рубена Абати³ давно пора уволить!» Что угодно, лишь бы показать матери: причитает она впустую, ее нытье никому не интересно.

Перед отбоем Икенна, которому было почти пятнадцать и который растолковывал для нас большинство вещей, предположил, что отца переводят. Боджа, на год младше Икенны, почувствовал бы себя дураком, если бы у него не оказалось своего мнения, и поэтому сказал: отца, наверное, отправляют «на Запад» (этого мы всегда ждали со страхом). Обембе, которому было одиннадцать – на два года больше, чем мне, – промолчал. Я тоже не нашел слов, однако долго ответов ждать не пришлось.

Мы все узнали на следующее утро. В комнату, которую мы делили с Обембе, внезапно вошел отец, одетый в коричневую футболку. Он снял очки и положил их на стол – жест означал, что отец требует внимания.

– Сегодня я уезжаю в Йола и буду жить там, а вы не вздумайте доставлять матери хлопот. – Он скорчил гримасу, как всегда, когда хотел спустить на нас гончих страха. Говорил отец медленнее и громче обычного. Его глубокий голос вколачивал слова, как голгофские

² * Олуфела Олусегун Олудотун Рансоне-Кути (1938–1997), нигерийский музыкант.

³ Рубен Абати (р. 1965), нигерийский журналист, общественно-политический деятель.

гвозди, в доски нашего разума. Если мы все же провинимся, одной простой фразой: «Я ведь предупреждал» – он заставит нас вспомнить этот момент и свои наставления в малейших деталях.

– Я буду постоянно звонить, и если мать сообщит плохие новости... – он для пущей выразительности поднял палец —...о любой выходке, не миновать вам Воздаяния.

«Воздаяние» – слово, призванное подчеркнуть серьезность угрозы и неотвратимость кары, – он произнес с таким жаром, что вены на висках вздулись. Этим словом отец часто завершал свою речь. Достав из нагрудного кармана пиджака две банкноты в двадцать найр, он кинул их на наш письменный стол.

– Это вам на двоих, – сказал отец и вышел.

Мы с Обембе по-прежнему сидели на кровати, гадая, что бы все это могло значить, когда с улицы донесся голос матери. Говорила она так громко, будто отец уже был далеко:

– Эме, не забывай: у тебя сыновья. Их воспитывать и воспитывать!

Она еще говорила, когда отец завел мотор своего «Пежо-504». Мы с Обембе выскочили наружу, однако машина уже выезжала за ворота. Отец уехал.

Всякий раз, стоит подумать о случившемся и о том, что это было последнее утро, проведенное нами вместе единой семьей, которой мы всегда были, мне хочется – даже сейчас, спустя два десятка лет, – чтобы отец не уезжал, чтобы ему не приходило письмо о переводе. Пока отец не получил его, все было на месте: он по утрам уходил на работу, а мать, которая держала на рынке лавку свежих продуктов, присматривала за мной, моими братьями и сестренкой. Мы, как и прочие дети из большинства семей в Акуре, учились в школе. Все шло своим чередом, мы почти не задумывались о прошлом, и время для нас ничего не значило. Тянулись дни, в пыльном в засушливую пору небе проплывали облака, и солнце не заходило до позднего вечера. В сезон дождей полгода кряду непрерывным потоком сверху лилась вода; небо корчилось в конвульсиях грозы, и словно чья-то невидимая рука малевала в нем расплывчатые полотна. Все следовало устоявшемуся порядку, и дни попросту не запоминались. Значение имели только настоящее и обозримое будущее. Обрывки его зачастую проносились по рельсам надежды с оглушительным слоновьим ревом, точно локомотив, в сердце которого – черный уголь. А порой проблески будущего мелькали во снах или в потоке фантазий, шептавших: *я стану летчиком, президентом Нигерии, богачом, у меня будут свои вертолеты*, – ибо мы сами создавали его. Оно было как чистый холст – рисунок что захочешь. Переезд отца изменил порядок вещей: время, смена сезонов и прошлое внезапно обрели значение; нам вдруг стало чудовищно не хватать минувшего, оно теперь было нужнее, чем настоящее и будущее.

С того дня, как отец поселился в Йоле, связаться с ним можно было лишь по зеленому настольному телефону, на который нам обычно звонил из Канады мистер Байо, папин друг детства. Мать напряженно ждала звонков отца. В настенном календаре у себя она отметила дни, когда он звонил, и, если он нарушал «расписание», сидела перед телефоном до глубокой ночи. Потеряв терпение, развязывала узелок на подоле *враппы*⁴ и доставала из него скомканный листочек бумаги. Снова и снова набирала по нему номер телефона, пока отец не снимал трубку. Если мы к этому времени еще не спали, то толклись возле матери в надежде услышать отцовский голос, просили: уговори отца, чтобы он забрал нас к себе. Отец неизменно отказывал, повторяя, что Йола – город беспокойный и в нем часто случаются погромы, особенно против людей нашего племени, игбо. Мы не сдавались – до марта 1996 года, когда вспыхнули кровавые религиозные столкновения. Добравшись наконец до телефона, отец

⁴ От *англ.* «wrap» (букв. «обертка»), деталь гардероба, длинная ткань с каким-либо орнаментом, в которую заворачиваются женщины.

рассказывал – на фоне треска выстрелов, – как он едва-едва избежал смерти: погромщики напали на его район, и в доме через улицу расправились с целой семьей.

– Детишек зарезали, как цыплят! – сказал он, особо выделив слово «детишек», чтобы никому в своем уме и в голову не пришло проситься к нему в Йолу. На том уговоры закончились.

Отец взял за традицию возвращаться через выходные на своем седане «Пежо-504» – пятнадцать часов в дороге! – пропыленным и изнуренным. Мы с нетерпением ждали субботы, и, когда отец сигналил из-за ворот, кидались ему открывать – строя догадки, какой гостинец он привез на этот раз. Мало-помалу мы привыкли к его нечастым приездам, и все изменилось. Его авторитет, его аура самообладания и спокойствия, прежде огромные, постепенно усохли до размеров горошины. Порядок, установленный в доме – послушание, учеба и обязательный дневной сон, некогда неотъемлемая часть нашего ежедневного существования, – постепенно распался. Зоркие отцовские глаза застила пелена, а ведь прежде они, как нам казалось, видели любой, даже самый мелкий наш проступок, как его ни утаивай. На исходе второго месяца отцовская длинная рука, сжимавшая плеть – знак предостережения, – не выдержала и сломалась, точно сухая ветка. Мы вырвались на свободу.

Мы поставили книги на полки и отправились исследовать заветный мир за гранью привычного. Выбрались на городскую футбольную площадку, где играли почти все дворовые мальчишки. Правда, мальчишки эти оказались волчьей стаей и нам не обрадовались. И хотя мы сами никого из них не знали – кроме Кайоде, жившего через пару кварталов от нас, – они знали нашу семью и даже имена родителей. Постоянно изводили нас, стегали ежедневно словесными плетками. Пускай Икенна умел потрясаяще обводить, а Обембе, стоя на воротах, творил чудеса, нас заклеямили любителями. Ребята частенько шутили, что наш отец, «мистер Агву», – богатей, раз работает в Центральном банке Нигерии, а мы – мажоры. Мальчишки дали отцу за глаза необычное прозвище Баба Ониле – в честь главного героя популярной йорубской мыльной оперы, у которого было шесть жен и двадцать один ребенок. Таким образом они высмеивали нашего отца, чье желание иметь много детей вошло в наш район в легенду. А еще на языке йоруба это слово обозначает богомола, такое жуткое, зеленое, похожее на скелет насекомое. Для нас эти оскорбления были невыносимы. Икенна, видя, что мы в меньшинстве и в драке не победим, как истинный христианин постоянно просил ребят не оскорблять наших родителей, ведь им те ничего дурного не сделали. Однако задиры не унимались, пока однажды вечером взбешенный очередным упоминанием отца Икенна не боднул одного из них головой. Тот среагировал моментально – ногой ударил моего брата в живот и набросился на него. В какой-то момент, крутясь на покрытой песком площадке, они замкнули ногами неровную окружность, но в конце концов парень опрокинул Икенну и швырнул ему в лицо пригоршню грязи. Приятели, ликуя, подняли победителя на руки; их торжествующие возгласы слились в триумфальный хор, перемежаемый шиканьем и насмешливыми выкриками. Мы, сокрушенные, вернулись домой и больше на площадку не приходили.

Драка отбила у нас охоту играть на улице. Я подговорил братьев, и вместе мы слезно попросили мать: пусть она уговорит отца вернуть приставку, и мы будем резаться в «Мортал комбат». Отец спрятал ее еще в прошлом году, когда Боджа – всегда первый в классе по оценкам – принес табель успеваемости, а в нем красным стояла отметка «24-й» и предупреждение: «Может остаться на второй год». Икенна показал результат немногим лучше: шестнадцатый из сорока; учительница, миссис Букки, даже написала отцу письмо. Отец прочитал его вслух да в таком гневе, что я разобрал только повторяющееся рефреном «Боже мой! Боже мой!». Потом он забрал у нас приставку, лишив моментов, при виде которых мы скакали, визжа от восторга; например, когда невидимый судья произносил: «Finish him», и победивший персонаж обрушивал на противника серию мощных ударов, или подбрасывал апперко-

том под самый потолок, или разрубал на части, так что кости и кровавые брызги летели во все стороны. На экране начинала мигать пламенеющая надпись: «Fatality». Как-то Обембе, сидевший в туалете, не утерпел и выскочил в гостиную, чтобы вместе с нами прокричать «That is fatal!»⁵ с американским акцентом, подражая игровой озвучке. Он даже не заметил, что на ковер упала какашка, но потом, когда мать это обнаружила, получил от нее хороший втык.

Приуныв, мы снова принялись искать какие-то активные занятия вне дома, чтобы убить время после уроков – теперь, когда строгие отцовские запреты больше не действовали. Мы собрали друзей, живших по соседству, предложив им играть в футбол на пустыре позади нашего дома. Пригласили Кайоде, единственного знакомого мальчика из стаи волков, с которыми играли на городской футбольной площадке. У него было лицо, как у девочки, а на губах всегда играла мягкая улыбка. К нам присоединились сосед Игбафе и его слабослышащий двоюродный брат Тоби. Приходилось постоянно напрягать голосовые связки, даже чтобы просто спросить: «Jo, kini o nso?» («Извини, что ты сказал?») У Тоби были огромные уши, которые словно достались ему от кого-то другого, а когда мы шепотом дразнили его Eleti Ehoru – Зайцеухий, он не обижался. Думаю, просто не слышал.

Мы носились по пустырю как угорелые, нацепив дешевые футболки и майки, на которых написали свои спортивные прозвища. Били мы со всей дури, мячи, бывало, улетали в соседские дворы, и мы бросались доставать их. Часто, правда, прибегали как раз в тот момент, когда сосед прокалывал мяч – сколько мы ни умоляли вернуть его. И все потому, что кого-то задело или что-то разбилось. Как-то мяч перелетел через соседский забор и попал в голову одному инвалиду, так что тот даже выпал из кресла. В другой раз мы выбили окно.

Лишившись мяча, мы скидывались и покупали новый. Денег не вносил только Кайоде: он происходил из очень бедной семьи, каких в городке становилось все больше, и не мог потратить на мяч даже одного кобо. Кайоде носил затертые до дыр шорты и жил с престарелыми родителями, духовными главами небольшой Апостольской церкви Христа, в недостроенном двухэтажном доме, сразу за поворотом по дороге в школу. Не в силах помочь финансово, он молил Господа, чтобы новый мяч дольше предыдущих не улетал за пределы пустыря.

Как-то мы купили новенький отличный белый мяч с логотипом летней Олимпиады 1996 года в Атланте. Кайоде помолился, и мы принялись играть, но не прошло и часа, как Боджа нанес удар, и мяч улетел во двор к одному доктору. Окно шикарного дома со звоном разлетелось вдребезги, и двое голубей, мирно дремавших на крыше, взвились в воздух. Некоторое время мы ждали на почтительном расстоянии – чтобы успеть убежать, если кто-то бросится за нами. Потом Икенна и Боджа все же отправились во двор к доктору, а Кайоде встал на колени и принялся молить Бога о заступничестве. Когда наконец наши разведчики достигли дома, доктор – он словно поджидал в засаде – выскочил и погнался за ними. Мы все тут же бросились наутек, только пятки засверкали, а позже, дома, переводя дух и обливаясь потом, поняли: футбола с нас хватит.

* * *

Мы стали рыбаками, когда на следующей неделе Икенна вернулся из школы. Ему в голову пришла новая мысль, и он спешил ею поделиться. Случилось это в конце января; я помню это потому, что тогда Бодже исполнилось четырнадцать, а день рождения у него 18 января. В 1996-м он выпал на выходные, и на ужин были домашний торт и газировка. После дня рождения Боджа на месяц становился ровесником Икенне, который родился 10

⁵ Смертельный удар! (англ.)

февраля, только на год раньше. Так вот, одноклассник по имени Соломон рассказал Икенне, какое это удовольствие – рыбачить. Икенна передал нам слова Соломона о том, какое это волнующее занятие, да к тому же выгодное, ведь можно продать немного рыбы и заработать денежку. Икенна тем больше загорелся, что у него родилась идея воскресить Фифидона. Когда-то у нас рядом с телевизором стоял аквариум, и в нем жила необычайно красивая рыбка симфизодон, настоящий калейдоскоп: в ней сочетались разные цвета: коричневый, фиолетовый, пурпурный и даже бледно-зеленый. Фифидоном ее окрестил отец – после того как Обембе попытался выговорить «симфизодон», но получилось только нечто отдаленно похожее. Аквариум отец убрал после того, как Икенна с Боджей решили проявить сострадание и спасти рыбку из «мутной воды»: заменили воду в аквариуме на обычную, питьевую. Вскоре они заметили, что рыбка лежит на дне, среди блестящей гальки и кораллов, и не может подняться.

Стоило Икенне узнать от Соломона о рыбалке, и он поклялся поймать нового Фифидона. На следующий день они с Боджей сходили в гости к Соломону и вернулись, взяв рассказывая о рыбах *таких* и рыбах *сяких*. Затем, по рекомендации Соломона, сгоняли в одну лавку и купили там удочки. Икенна разложил снасти на столе в своей с Боджей комнате и объяснил, как ими пользуются. Это были длинные деревянные палки, к концу которых крепились тонкие веревочки с крючками на конце. Вот на них-то, на крючки, говорил Икенна, и насаживается наживка – черви, тараканы, хлебный мякиш, да что угодно, – чтобы приманить рыбу и поймать.

И целую неделю затем они ежедневно после школы срывались и долгим извилистым путем шли к реке Оми-Ала, протекавшей у границы района; по дороге они перебирались через пустырь позади нашего дома, в дождливые сезоны источавший смрад и служивший пристанищем для стада свиней. Рыбачили мои братья в компании Соломона и других мальчишек с нашей улицы и возвращались с банками, полными улова. Сперва они не брали меня и Обембе с собой, но когда принесли домой маленькую цветную рыбку, наше любопытство разгорелось не на шутку. И наконец однажды Икенна сказал нам с Обембе:

– Пошли, сделаем из вас рыбаков!

И мы пошли.

С тех пор мы после школы начали ходить на рыбалку вместе с другими мальчишками с нашей улицы. Процессию возглавляли Соломон, Икенна и Боджа. Эти трое несли удочки, завернув их в старые вращивы или тряпки. Остальные – Кайоде, Игбафе, Тоби, Обембе и я – тащили рюкзаки со сменной одеждой и нейлоновые сумки с червями, дохлыми тараканами, служившими наживкой, и пустыми банками из-под напитков, где потом оказывались пойманные рыбешки и головастики. Вместе мы пробивались к реке тропками, густо заросшими колючей крапивой, которая хлестала по голым ногам и оставляла на коже белые волдыри. Это бичевание как нельзя лучше соответствовало необычному имени травы, заполонившей всю округу: *esan*, «воздаяние» или «возмездие» на йоруба.

Ходили гуськом и, стоило преодолеть заросли крапивы, бросались к реке, точно обезумевшие. Старшие ребята – Соломон, Икенна и Боджа – переодевались в грязную одежду. Затем становились у воды и забрасывали удочки, погружая крючки с наживкой в воду. И хотя рыбачили они, как люди племени йоре, прирожденные рыбаки, наловить получалось лишь совсем мелких рыбешек размером с ладонь или сомиков – более трудной добычи – и изредка тилапии. Остальные баночками зачерпывали из воды головастиков. Мне они нравились: такие гладкие, с непропорционально большими головами и почти бесформенные, похожие на миниатюрных китов. Я с восхищением следил, как они неподвижно висят под водой, ловил их и до черноты на пальцах тер серую слизь, покрывающую их кожу. Порой нам попадались ракушки или пустые панцири давно умерших членистоногих. Мы ловили улиток, чьи раковины округлой формой напоминали древних моллюсков. Мы находили зубы

зверей, принимая их за свидетельства минувших эпох, потому что Боджа с пеной у рта доказывал, что они принадлежали динозаврам, и забирал их себе. Еще попадались змеиные выползки, у самой кромки воды, да и много другого интересного.

Лишь однажды удалось поймать по-настоящему крупную рыбу – ее и продать было нестыдно. Я часто вспоминаю тот день. Вытащил ее Соломон: рыбина была просто огромная, крупнее любых речных обитателей, которых нам доводилось видеть в Оми-Але. Икенна с Соломоном отправились на близлежащий продуктовый рынок и спустя чуть больше получаса вернулись с пятнадцатью найрами. Наша доля составила шесть найр, и домой мы возвращались безумно довольные. С тех пор мы стали рыбачить с еще большим рвением, подолгу потом не ложась спать и обсуждая очередной проведенный у реки день.

Рыбалке мы отдавались всей душой, словно у берега собиралась толпа преданных зрителей и следила за нами, подбадривая криками. Мы не обращали внимания ни на запах зеленых вод, ни на крылатых насекомых, каждый вечер тучами роившихся над берегом, ни на тошнотворный вид водорослей и листьев, образовавших рисунок в виде карты проблемных регионов у дальнего конца берега – там, где из воды торчали варикозные стволы деревьев. Мы ходили на реку ежедневно, одетые в тряпье и старую одежду, таская с собой ржавеющие банки,дохлых насекомых и слипшихся червей. Рыбалка приносила нам большую радость, даже несмотря на трудности и скудный улов.

Теперь, когда я вспоминаю те дни, что происходит все чаще, поскольку у меня есть свои сыновья, я понимаю: наши жизни и наш мир изменились в один из таких походов к реке. Ведь именно там время обрело для нас значение – у берега реки, на которой мы стали рыбаками.

2. Река

Оми-Ала была страшной рекой.

Жители Акуры давно отвергли ее, словно дети, забывшие мать. Однако прежде она была чиста и снабжала первопоселенцев рыбой и питьевой водой. Она окружала Акуре, текла, змеясь, через город и, как и многие подобные реки в Африке, некогда почиталась за божество, люди поклонялись ей. Устраивали святилища в ее честь, прося обитателей речных глубин: Ийемоджу, Ошун, русалок и прочих богов и духов – о заступничестве и помощи. Все изменилось, когда из Европы прибыли колонисты и принесли с собой Библию. Она отвернула от Оми-Алы поклонников, и люди – по большей части теперь христиане – стали видеть в реке зло.

Колыбель была осквернена, ее теперь окружали мрачные слухи, один из которых гласил, что у ее вод совершаются языческие ритуалы. Подтверждением служили трупы, тушки животных и разные ритуальные предметы, плавающие на поверхности воды или лежащие на берегу. Потом, в начале 1995 года, в реке нашли изувеченный и выпотрошенный труп женщины. Городской совет тут же ввел комендантский час: доступ к реке был запрещен с шести вечера до шести утра. На реку перестали ходить. С годами таких случаев становилось все больше, они очерняли историю Оми-Алы, пятнали ее имя: одно только упоминание о ней вызывало омерзение. К тому же рядом с ней расположилась печально известная по всей стране религиозная секта: Небесная церковь, или Церковь белых одежд. Ее последователи ходили босиком и поклонялись водяным духам. Родители, узнай они о том, что мы ходим на реку, сурово наказали бы нас, однако мы не задумывались об этом, пока соседка – мелкая торговка, ходившая по городу с подносом жареного арахиса на голове, – не засекла нас по пути с реки и не донесла матери.

Дело было в конце февраля, и мы к тому времени рыбачили уже почти полтора месяца. В тот день Соломон вытащил крупную рыбу. Мы запрыгали от восторга, глядя, как она извивается на крючке, и принялись распевать сочиненную Соломоном рыбацкую песню. Мы всегда пели ее в особо радостные моменты вроде этого – когда видели агонию рыбы.

Это была переделка известной песенки: ее исполняла неверная супруга пастора Ишавуру, главная героиня самой популярной тогда в Акуре христианской мелодрамы «Высшая сила». Песенку свою женушка пела, возвращаясь в лоно церкви после отлучения. И хотя идея пришла в голову Соломону, почти каждый из нас предложил что-то свое. Боджа, например, придумал поменять «мы застучали тебя» на «тебя поймали рыбаки». Мы заменили свидетельство о силе Господа отвращать от лукавого нашим умением держать рыбу крепко и не давать сорваться. Результат нам так понравился, что мы порой напевали песню дома и в школе.

*Bi otiwu o ki o Jo, Пляши вовсю
ki o ja, и бейся, рвись,*

*Ati mi o, Поймали мы тебя,
o male lo to. ты не сбежишь.*

*She bi ati mi o? Ну что ты поймана?
O male le lo to o. Ты не сбежишь, поверь.*

Awa, Apeja, ti mi o. Тебя поймали мы, мы – рыбаки.

Awa, Apeja, Тебя поймали рыбаки,

ti mi o, o ma le lo to o ot nas ty ne sbejish!

В тот вечер, когда Соломон поймал здоровенную рыбину, мы пели так громко, что к нам вышел старик, священник Небесной церкви. Босой, он ступал совершенно бесшумно, точно призрак. Когда мы только пришли на реку и заприметили поблизости церковь, то моментально включили ее в список своих приключений. Через открытые окна красного дерева подглядывали за прихожанами, бесновавшимися в зале, – стены внутри были покрыты облупившейся голубой краской, – и пародировали их дерганные танцы. Один лишь Икенна счел недостойным смеяться над священнодействием.

Я ближе всех находился к тропинке, по которой пришел старик, и первым его заметил. Боджа был у противоположного берега и, бросив при виде священника удочку, устремился на сушу. Та часть реки, на которой мы рыбачили, оставалась скрыта с обеих сторон вытянутыми зарослями кустарника, и воду можно было увидеть, лишь свернув с прилегающей дороги на изрезанную колеями тропку и продравшись через подлесок. На берегу старик остановился и взглянул на две баночки, плотно сидящие в неглубоких ямках, которые мы вырыли голыми руками. Увидев содержимое банок, над которым вились мухи, он отвернулся и покачал головой.

– Это еще что? – спросил он на чуждом для меня йоруба. – Что вы разорались, как пьяная толпа? Разве не знаете, что тут рядом храм Божий? – Развернувшись всем телом в сторону тропинки, он указал на церковь. – Неужто в вас нет ни малейшего почтения к Господу, а?

Нас учили: если старший спрашивает о чем-то с намерением пристыдить тебя, то отвечать – пускай даже ты легко можешь ответить – невежливо. Поэтому Соломон просто извинился.

– Простите нас, *баба*, – произнес он, сложив ладони. – Мы больше не будем.

– Что вы ловите в этих водах? – не обращая на него внимания, спросил старик и указал на реку, цвет которой к тому времени сделался темно-серым. – Головастики, сомики? Что там? Шли бы вы по домам. – Он поморгал, по очереди глядя на каждого из нас. Игбафе не удержался и сдавленно хохотнул, за что Икенна шепнул ему: «Болван». Правда, было уже поздно.

– По-твоему, это смешно? – спросил старик, глядя прямо на Игбафе. – Мне жаль твоих родителей. Уверен, они не знают, что ты здесь бываешь, а узнав, сильно расстроятся. Разве вы не слышали, что власти запретили приходить сюда? Ох уж это молодое поколение. – Старик изумленно огляделся и произнес: – Останетесь вы или уйдете, больше так не кричите. Поняли?

Тяжело вздохнув и снова покачав головой, он развернулся и пошел прочь. Мы же разразились хохотом и ну изображать его, такого худого в просторном белом одеянии, похожего на ребенка в пальто не по размеру. Мы хохотали над его страхом перед рыбой и головастиками (на наш улов он взирал с ужасом) и над тем, как воняет у него изо рта (это мы, впрочем, придумали, поскольку стояли далеко и не могли унюхать никакого запаха).

– Этот старик – совсем как Ийя Олоде, сумасшедшая женщина. Хотя говорят, она еще хуже, – сказал Кайоде. В руке у него была жестяная банка, и в этот момент она накренилась; ему пришлось накрыть ее ладонью, чтобы рыбешки с головастиками не оказались на земле. Из носа у него текло, но он, казалось, не замечал висящей под носом белесой тягучей нити. – Она вечно танцует где-то в городе – чаще всего макосу. Пару дней назад ее прогнали с большого базара Оджа-Оба. Говорят, она там присела в самом центре и нагадила прямо у лавки мясника.

Мы рассмеялись. Боджа прямо весь трясся, а после согнулся пополам, как будто смех лишил его сил, и, бурно дыша, уперся ладонями в колени. Мы все еще смеялись, когда заме-

тили, что Икенна – с тех пор как нашу рыбалку прервал священник, он не произнес ни слова, – вынырнул у другого берега. Он выбрался из воды там, где в нее окунала увядшие листья крапива, и стянул с себя намокшие шорты. Затем Икенна полностью скинул с себя рыбацкую одежду и стал обсыхать.

– Ике, ты чего? – спросил Соломон.

– Домой возвращаюсь, – резко ответил мой брат, словно только и ждал этого вопроса. – Учиться хочу. Я школьник, а не рыбак.

– Уходишь? Сейчас? – спросил Соломон. – Рано же еще, и мы...

Соломон не договорил, потому что все понял. Семя того, что делал сейчас Икенна, было посеяно еще на прошлой неделе. Он утратил интерес к рыбалке, и в тот день его даже пришлось уговаривать пойти с нами. И потому, когда он произнес: «Учиться хочу. Я школьник, а не рыбак», никто не стал его больше ни о чем спрашивать.

Мы с Обембе и Боджей тоже стали переодеваться, потому что выбора не оставалось: мы ничего не делали без одобрения Икенны. Обембе замотал удочки в старые враппы, которые стащил у матери, а я подобрал банки и маленький полиэтиленовый пакетик с неиспользованными червями: они извивались, стремясь выбраться на свободу, и медленно умирали.

– Вы что, вот так возьмете и уйдете? – спросил Кайоде, когда мы двинулись следом за Икенной, который, казалось, не думал ждать нас, своих братьев.

– Вы-то почему уходите? – спросил Соломон. – Это из-за священника или из-за того, что тогда встретили Абулу? Я же просил не останавливаться. Просил не слушать его. Предупреждал, что он – просто злобный безумец. Разве нет?

Никто из нас не взглянул на Соломона и не сказал в ответ ни слова. Мы молча следовали за Икенной, который нес в руках один только черный пакет со старыми шортами. Удочку он бросил на берегу, но Боджа подобрал ее и завернул во враппу.

– Да пусть идут, – донесся до меня голос Игбафе. – Без них обойдемся. Сами будем рыбачить.

Друзья принялись насмехаться над нами, но вскоре звуки перестали долетать до нас, и тишину больше ничего не нарушало. По дороге я думал: что это нашло на Икенну? Порой его поступки и решения оставались для меня загадкой. За объяснениями я всегда обращался к Обембе. После встречи с Абулу на прошлой неделе – той самой, о которой упоминал Соломон, – Обембе рассказал мне об одном случае, в котором якобы и крылась причина странных перемен в поведении Икенны. Я как раз размышлял над тем случаем, когда Боджа закричал:

– Господи, Икенна, гляди! Мама Ийябо!

Он заметил нашу соседку, торговку арахисом. Она сидела на скамье у церкви, вместе со священником, который чуть ранее стыдил нас у реки. Боджа поднял тревогу слишком поздно: женщина уже увидела нас.

– Ах, Ике, – позвала соседка, когда мы проходили мимо, хмурые, точно арестанты. – Ты что здесь забыл?

– Ничего! – ответил Икенна, ускоряя шаг.

Она тигром вскочила и вскинула руки, словно намереваясь закогтить нас.

– Что это у тебя в руке? Икенна, Икенна! Я с тобой разговариваю.

Икенна упрямо спешил дальше, а мы – за ним. Свернули за угол ближайшего дома, где стоял банановый куст: его сломанный в бурю лист напоминал тупую морду морской свиньи. Едва мы оказались там, как Икенна обернулся и произнес:

– Все всё видели? Вот до чего довела ваша глупость. Я же говорил, что не надо нам больше ходить на эту дурацкую реку. Так нет же, вы не послушали. – Он схватился за голову. – Вот увидите, она еще растреплет обо всем нашей маме. Спорим? – Он хлопнул себя ладонью по лбу. – Спорим?

Никто не ответил.

– Вот-вот, – сказал тогда Икенна. – Теперь-то вы прозрели. Все увидите.

Его слова стучали у меня в ушах, заставляя полностью осознать ужас ситуации. Мама с Ийя Ийябо были подружками; супруг торговли погиб в Сьерра-Леоне, сражаясь за армию Африканского союза. Половину пособия оттяпали родственники мужа, и ей остались два вечно недоедающих сына – ровесники Икенны – да море нескончаемых нужд. Мать то и дело помогала ей, и Мама Ийябо, уж конечно, в благодарность должна была предупредить подругу, что мы играем на опасной территории.

Мы этого очень боялись.

* * *

На следующий день после школы мы не пошли рыбачить, остались сидеть у себя в комнатах и ждать, когда придет мать. Соломон и остальные отправились на реку: думали, наверное, что и мы явимся, но, прождав некоторое время впустую, наведались к нам. Икенна посоветовал приятелям – и в особенности Соломону – тоже оставить это занятие, однако когда Соломон отказался, Икенна предложил ему свою удочку. Соломон в ответ рассмеялся и ушел с таким видом, будто ему нипочем опасности, которые, по словам Икенны, поджидают его у реки. Икенна смотрел ему и компании вслед и качал головой. Жалел ребят, столь упорно не желавших покидать скользкий путь.

Когда же мать вернулась с работы – намного раньше обычного, – мы сразу поняли, что соседка донесла ей на нас. Мать поразила собственная неосведомленности: ведь мы все жили под одной крышей! Мы и правда долго и успешно скрывали свое увлечение, пряча улов под двухъярусной кроватью в комнате Икенны и Боджи, потому что знали о тайнах, окружающих Оми-Алу. Мы чем могли перебивали запах мутной воды и даже тошнотворную вонь: хилая, мелкая, рыба редко когда проживала больше суток. Дохла даже в баночках, полных речной воды. Мы возвращались из школы на следующий день, а в комнате Икенны и Боджи уже стоял смрад. Приходилось выбрасывать улов на свалку за забором, вместе с банками. Их было особенно жалко, ведь они доставались нам с большим трудом.

Бесчисленные раны, полученные на пути к реке и обратно, мы тоже хранили в секрете. Икенна с Боджей позаботились, чтобы мать ни о чем не узнала. Однажды Икенна стукнул Обембе за то, что тот распевал в ванной рыбацкую песню. Мать поинтересовалась, из-за чего вышла ссора; Обембе не растерялся и прикрыл старшего брата, сказав, что обозвал Икенну тупицей – и тем заслужил тумака. По правде же, гнев Икенны он заслужил своей глупостью: рискуя раскрыть нас, пел нашу песню, когда в доме была мать. Икенна даже пригрозил потом брату: повторишь ошибку – не видать тебе больше реки. И лишь услышав угрозу – а не получив тычок, – Обембе расплакался. Даже когда Боджа на вторую неделю нашего приключения на берегу реки порезал ногу о клешню краба и залил сандалию собственной кровью, мы соврали матери, будто он поранился, играя в футбол. По правде же, Соломону пришлось вынимать клешню из пальца Боджи, а всем нам – кроме Икенны – было велено отвернуться. Икенна тогда рассвирепел: испугался, что Боджа истечет кровью, даже несмотря на заверения Соломона в обратном, – и размозжил краба, тысячу раз прокляв его за нанесенную Бодже страшную рану.

Матери сделалось плохо, когда она узнала, как долго мы хранили все в тайне – полтора месяца, хотя мы и соврали, что всего три недели, – а она все это время и не подозревала, что мы теперь рыбаки.

В ту ночь она мерила комнату шагами. На сердце у нее было тяжело, и мы остались без ужина.

– Вы не заслуживаете еды под этой крышей, – говорила мать, нарезая круги между кухней и спальней. Она расклеилась, руки у нее дрожали. – Идите и ешьте рыбу, пойманную в этой страшной реке. Ею и насыщайтесь.

Она заперла дверь кухни на висячий замок, чтобы мы не пробрались туда, когда она ляжет спать. Впрочем, она расстроилась так сильно, что еще долго продолжала свой монолог – как обычно, когда переживала. Каждое слово, каждый звук, что слетали с ее губ в ту ночь, въедались в наши умы, точно яд – в кость.

– Я расскажу Эме о том, что вы сделали. Уверена, он бросит все и примчится домой, не сомневаюсь. Я ведь знаю его, знаю Эме. Вот. Увидите. – Она щелкнула пальцами, а потом мы услышали, как она высморкалась в подол враппы. – Вы думаете, я бы умерла, если бы с вами случилось что-то плохое или если бы кто-то из вас утонул в этой реке? Я не умру оттого, что вы навредите себе. Нет. Anya nke na' akwa nna ya emo, nke neleda ina nne ya nti, ugulu-oma nke ndagwurugwu ga'ghuputa ya, umu-ugo ga'eri kwa ya – глаз, насмехающийся над отцом и пренебрегающий покорностью к матери, выключают вороны дольные, и сожрут птенцы орлиные!⁶

Мать закончила монолог цитатой из Притч Соломоновых, самой страшной для меня во всей Библии. Сегодня я понимаю: жути этой цитате добавляло то, что мать произнесла ее на игбо, наполняя каждое слово ядом. Все остальное прозвучало на английском, а не на игбо, который родители использовали в общении с нами, тогда как между собой мы с братьями говорили на йоруба, языке Акуре. Английский же, официальный язык Нигерии, использовали в разговорах с посторонними. Он обладал силой создавать пропасти между родственниками и друзьями, когда кто-то вдруг переключался на него во время разговора. Так что родители редко обращались к нам на английском – разве что в такие вот моменты, когда хотели выбить почву у нас из-под ног. В этом они были мастера, и у матери все вышло, как она и хотела: слова «утонул», «умерла», «страшная» прозвучали тяжело; в них слышались взвешенный расчет, укор и порицание. Они потом еще долго не давали нам покоя, не позволяя заснуть.

⁶ Притч. 30:17.

3. Орел

Отец был орлом.

Могучей птицей, которая строит гнездо выше остальных пернатых, парит в небе и зорко стережет птенцов, словно король – свой трон. Наш дом – бунгало с тремя спальнями, купленное в год рождения Икенны, – и был его орлиным гнездом – местом, где отец правил железной рукой. Вот потому все и решили, что если бы отец не уехал из Акуре, дом не стал бы уязвим для невзгод и мы бы избежали постигших нас несчастий.

Отец был человеком необычным. В то время как все кругом ревностно следили за рождаемостью, он – единственный ребенок в семье, выросший с матерью и мечтавший о братьях и сестрах, – хотел наполнить дом детьми, создать клан. Мечта принесла ему много насмешек – в девяностых, когда экономика Нигерии сильно кусалась, – однако отец отмахивался от оскорблений, как от moskitov. Он придумал план нашего будущего, карту желаний. Икенне предстояло стать доктором, хотя позднее, когда Икенна еще в раннем возрасте проявил интерес к самолетам, отец заменил доктора пилотом. Тем более что в Энугу, Макурди и Ониче имелись летные школы. Бодже отец уготовил судьбу юриста, а Обембе – семейного врача. Мне же хотелось стать ветеринаром, работать в лесу или в зоопарке – где угодно, главное со зверями, – однако отец решил, что я стану профессором. Дэвид, которому едва исполнилось три годика, когда отец переехал в Йолю, должен был стать инженером. Только для нашей годовалой сестренки Нкем он не придумал занятия на будущее. Сказал: за женщин такие дела решать не надо.

Мы с самого начала знали, что рыболовству в отцовских планах на будущее места нет, но не задумывались над этим. Опомнились только в ночь, когда мать пригрозила все рассказать отцу, раздув тем самым в наших сердцах огонь страха перед его гневом. Она верила, будто к рыбалке нас подтолкнули злые духи и их надлежит изгнать поркой. Мы предпочли бы увидеть, как солнце падает на землю, сжигая все кругом, а заодно и нас, чем ощутить тяжесть отцовского Воздаяния на своих задницах, и мать это прекрасно знала. Она говорила: вы забыли, что отец не наденет чужие туфли, если свои промокнул. Не такой он человек. Он, скорее, пойдет по земле босиком.

Когда на следующий день, в субботу, мать прихватила Дэвида и Нкем и отправилась в лавку, мы бросились уничтожать следы преступления. Боджа спешно спрятал свою удочку и общую запасную тоже под ржавыми кровельными листами на заднем дворе, у ограды – там, где мать выращивала помидоры. Листы кровли остались еще с 1974 года, когда был построен дом. Икенна свою удочку сломал и выбросил на свалку за забором.

Отец приехал в субботу, ровно через пять дней после того, как нас разоблачили. Накануне мы с Обембе срочно вознесли молитву Богу. Я предположил: вдруг Господь смягчит отцовское сердце и он не станет пороть нас.

Вместе с братом мы встали на колени и обратились к Богу.

– Господь наш Иисус, коли ты любишь нас – Икенну, Боджу, Бена и меня, – начал Обембе, – не дай отцу нашему приехать. Молю тебя, Иисусе, пусть он останется в Йоле. Прошу, послушай: ты ведь знаешь, как отец выпорет нас. Ведь тебе это известно? Послушай, у него плети из воловьей кожи, *кобоко*, которые он купил у старого шашлычника, а такая плеть сечет очень больно! Послушай, Иисусе, если ты позволишь отцу приехать и он нас высечет, ноги нашей не будет в воскресной школе. И мы перестанем петь и прихлопывать в церкви! Аминь.

– Аминь, – повторил я.

Когда отец приехал в субботу после обеда – как обычно, сигналив из-за ворот и потом въезжая во двор под радостные крики, – мы с братьями не вышли его встречать. Икенна

предложил остаться в комнатах и притвориться, что мы спим. По его мнению, мы могли разозлить отца еще больше, если бы вышли встречать его «так, словно ни в чем не провинились».

Мы сгрудились в комнате у Икенны, прислушиваясь к шагам отца, ожидая момента, когда мать начнет свой доклад, ибо знали, что сразу она вываливать на него ничего не станет. Она терпеливая и рассказ смакует. Всякий раз, когда отец приезжал домой, мать садилась рядом с ним на большой диван в гостиной и подробно расписывала, как идут дела в доме: как нас постигла чередя нужд, и как мы с ними справились, у кого занимали; рассказывала о наших успехах в школе; о походах в церковь. Отдельно сообщала о случаях непослушания, которые находила непозволительными и заслуживающими кары.

Помню, как-то она две ночи рассказывала отцу об одной прихожанке нашей церкви: родила ребеночка, а тот весил столько-то и столько-то. Она поведала, как в прошлое воскресенье дьякон пукнул, находясь на амвоне, а микрофоны и колонки усилили неприличный звук. Мне особенно понравился рассказ о том, как в нашем районе казнили вора. Люди градом камней сбили бегущего вора с ног, а потом надели ему на шею автомобильную покрышку. Мать выделила несколько непонятных моментов: где толпа так быстро достала бензин и как всего за несколько минут, объятый удушливым дымом, вор угорел? Я, как и отец, очень внимательно слушал о том, как пламя объяло вора, как ярко вспыхивали волосы у него на теле – особенно на лобке, – как медленно огонь пожрал его. Мать расписала, как играло пламя, как вор, захлебываясь криком, исчез в огненном ореоле, в таких живописных подробностях, что образ горящего человека навсегда запечатлелся у меня в памяти. Икенна говорил, что если бы мать получила образование, из нее вышел бы великий историк. Тут он был прав: мать не упускала и не забывала ни одной детали, что бы ни случилось в отсутствие отца. Она пересказывала абсолютно все.

Начали они с того, что нас напрямую не касалось: поговорили о работе отца, о падении курса найры «при нынешнем прогнившем правительстве». Мы с братьями всегда хотели понимать, что говорит отец, но порой наше незнание лишь возмущало нас, а порой мы чувствовали необходимость знать – например, когда отец говорил о политике, потому что на игбо ее не обсудишь, лексикона не хватит. Одним из таких слов и было «правилитесто», как мне тогда слышалось.

Центральному банку грозил крах, и больше всего в тот день отец рассуждал о возможной кончине Ннамди Азикиве, первого президента Нигерии. Отец обожал его, считал своим вдохновителем. Зик, как его прозвали в народе, лежал в энугской больнице. Отец по этому поводу переживал, сетовал на плохую систему здравоохранения в нашей стране. Ругал Абачу, диктатора, и негодовал из-за изоляции игбо в Нигерии. Он жаловался на то, какого монстра создали британцы, объединив Нигерию в единую страну. А потом мать сказала, что еда готова, и отец приступил к трапезе.

Мать же тем временем перехватила эстафету: знает ли он, что в садике, в который ходит Нкем, все воспитатели от малышки без ума. Отец спросил: «Ezi okwu – это правда?» – и мать перечислила ее успехи. «А что с *Обой*, королем Акуре?»⁷ – поинтересовался отец, и мать рассказала, как *Оба* сражался с военным губернатором штата, столицей которого и был Акуре. Она говорила и говорила, а потом, когда мы совсем этого не ожидали, прервалась:

– Дим, я должна тебе кое-что рассказать.

– Я весь внимание, – ответил отец.

– Дим, твои сыновья – Икенна, Боджа, Объембе и Бенджамин – совершили ужасный проступок, страшнее которого не придумать.

– Что они натворили? – спросил отец, громко чиркнув вилок и ножом по тарелке.

⁷ Имеется в виду традиционное государство, королевство Акуре со столицей в городе Акуре.

– Эх, ну ладно, Дим. Ты ведь знаешь Маму Ийябо, вдову Юсуфа. Она еще продает арахис...

– Да, да, знаю, так что давай сразу к делу, *друг мой*: что они натворили? – прокричал отец. Он частенько обращался «друг мой» к тем, кто начинал его нервировать.

– Вот горе-то, она как раз продавала орехи священнику Небесной церкви, расположенной возле Оми-Алы, когда на тропинке, ведущей от реки, показались мальчики. Она их сразу же узнала, окликнула, но они ее будто не услышали. Тогда она сказала священнику, что знает их, а он поведал: ребята уже давненько рыбачат на реке. Он несколько раз пытался прогнать их – да все без толку. А знаешь, что самое страшное? – Мать хлопнула в ладоши, подготавливая отца к безжалостному ответу. – Мальчики, которых видела Мама Ийябо, – это твои сыновья: Икенна, Боджа, Обембе и Бенджамин.

Последовала тишина, во время которой отец, наверное, водил взглядом по комнате: то на пол глянет, то на потолок, то на занавеску – словно беря их в свидетели того, что только что услышал. И пока длилось молчание, я принялся оглядывать комнату моих братьев. Взглянул на футболку Боджи, висевшую возле двери, на гардероб, на календарь, который мы называли календарем М.К.О., потому что на нем были мы четверо и М.К.О. Абиола, некогда баллотировавшийся в президенты Нигерии. Я заметил дохлого таракана, убитого, наверное, в порыве гнева: его голову размазало по вытертому желтому ковру.

Это напомнило мне, как мы попытались найти спрятанную отцом приставку, лишь бы как-то отвлечься от рыбалки. Однажды, стоило матери уйти из дома вместе с младшими детьми, мы обыскали родительскую спальню, но приставку не нашли – ни в отцовском шкафу, ни в бесчисленных сундуках и выдвижных ящиках.

Затем достали старую отцовскую металлическую коробку. Отец рассказывал, что ее подарила бабушка в 1966 году, когда он впервые уезжал из родной деревни – в Лагос. Икенна был уверен, что в коробке-то приставка и спрятана. И вот мы отнесли тяжелую, как гроб, коробку в комнату старших братьев. Боджа принялся методично подбирать ключи, пока наконец один не подошел и крышка со скрипом не открылась. Когда мы еще только несли коробку, из нее вылез таракан, взбежал на ржавую крышку и улетел. А стоило Икенне открыть коробку, как тысячи бурых насекомых заполонили все вокруг: мы не успели и глазом моргнуть, как один залез на жалюзи, другой уже полз вниз по дверце гардероба, третий забрался к Обембе в кроссовку. Мы с криками принялись давить их. С полчаса носились за ними по комнате, а потом унесли ящик обратно.

Мы подмели полы, убрав останки тараканов, и Обембе прилег на кровать. На ногах у него остались следы: задняя лапка, расплюснутая голова с выдавленными глазами, кусочки оторванных крылышек, часть которых забились между пальцев, и разводы желтой слизи, вытекшей, наверное, из груди насекомых. Был даже целый таракан, на левой стопе: плоский, как лист бумаги, с двумя парами широких крыльев.

Разум мой, словно вращающаяся монетка, замер, когда отец необычайно спокойным голосом произнес:

– Значит, Адаку, ты сидишь тут и заявляешь на полном серьезе, будто моих мальчиков – Икенну, Боджанонимеокпу, Обембе и Бенджамина – видела торговка орехами, когда они возвращались с реки? Той самой опасной реки, на которую запрещено ходить по вечерам? На которой даже взрослые пропадают?

– Так и есть, Дим, она видела не кого-нибудь, а твоих сыновей, – ответила мать по-английски, потому что и отец внезапно перешел на английский (сильно повысив голос на слове «пропадают»).

– Господи боже! – запричитал он, да так громко и быстро, что слова точно раскололись на слоги: «Гос-по-ди-бо-же» – и стали напоминать дробный металлический звон.

– Что он делает? – чуть не плача спросил Обембе.

– Заткнись, а, – тихо прорычал Икенна. – Я же говорил вам завязывать с рыбалкой. Так нет же, вы Соломона послушали. Вот, получайте теперь.

Отец в это время сказал:

– Так значит, ты утверждаешь, что торговка видела моих сыновей?

И мать ответила:

– Да.

– Господи боже! – еще громче вскричал отец.

– Они все дома, – сказала мать. – Спроси их и сам убедишься. Как подумаю, что они купили снасти: удочки, лески, крючки, грузила – на карманные деньги, что ты давал им... – совсем дурно становится.

Нажим, с которым мать произнесла «на карманные деньги, что ты давал им», ранил отца особенно глубоко. Должно быть, он весь сжался, точно червь, в которого тычут чем-нибудь острым.

– И долго они этим занимались? – спросил он. Мать, видно, опасаясь обвинений в свой адрес, медлила, и тогда отец прикрикнул: – Я что, с глухонемой разговариваю?

– Три недели, – сокрушенно проговорила мать.

– Боже милостивый! Адаку. Три недели. У тебя под носом?

Само собой, то была ложь: это мы сказали матери, будто рыбачили всего три недели – в надежде смягчить свою вину. Однако даже такой неточной информации оказалось достаточно, чтобы распалить отцовский гнев.

– Икенна! – взревел отец. – Ике-нна!

Когда мать только начала свой доклад, Икенна сел на пол, но сейчас мигом вскочил на ноги. Он рванул было к двери, но тут же замер, отступил и схватился за зад. Он предусмотрительно надел две пары шортов, надеясь так смягчить боль от того, что должно было обрушиться на его ягодички, хоть и знал, что сечь нас, скорей всего, будут по голой попе.

– Сэр! – вскинув голову, громко ответил мой брат.

– Ну-ка выходи, живо!

Икенна, лицо которого, точно бубоны, покрывали веснушки, снова подошел к двери. И снова замер, будто перед ним возникла невидимая преграда, и наконец выбежал.

– Считаю до трех! – прокричал отец. – Чтобы все сюда вышли. Живо!

Мы зайцами вылетели из комнаты и сгрудились за Икенной.

– Думаю, вы все слышали, что рассказала мне ваша мать, – произнес отец. На лбу у него взбухли вены. – Это правда?

– Все правда, сэр, – ответил Икенна.

– Значит... все правда, – повторил отец, на мгновение задержав взгляд на его опущенном лице.

Не дожидаясь ответа, он в гневе отправился к себе. Мой взгляд упал на Дэвида: самый младший из нас сидел в одном из кресел и, сжимая в руках пачку печенья, ожидал нашей экзекуции. Отец вернулся с двумя плетями. Одна была переброшена через плечо, вторую он сжимал в руке. Затем он выдвинул маленький обеденный столик на середину комнаты. Мать, которая только что убрала со стола и протерла его тряпкой, потуже затянула на поясе враппу и приготовилась ждать момента, когда ей покажется, что отец зашел слишком далеко.

– Каждый из вас ляжет на стол плашмя, – сказал отец. – Все вы получите Воздаяние, голыми, какими пришли на эту грешную землю. Я тружусь в поте лица, чтобы вы могли учиться в школе и получить *западное образование*, как цивилизованные люди, а вы решили стать рыбаками. Ры-ба-ка-ми! – Он многократно, словно какое проклятие, прокричал последнее слово. И когда оно прозвучало в энный раз, наконец велел Икенне растянуться на столе.

Порол отец жестоко. Да еще заставил считать удары. Икенна и Боджа, распластанные на столе, получили двадцать и пятнадцать соответственно. Нам с Обембе пришлось считать до восьми. Мать вмешалось было, однако отец строго предупредил, что он и ей всыплет, если она будет лезть. В таком гневе он запросто мог сдержать слово. Его не трогали ни наши крики, визги и плач, ни мольбы матери. Все время, нанося удары, он повторял, что надрывается на работе и зарабатывает деньги, и при этом не забывал яростно выплевывать слово «рыбаки». Затем наконец, перекинув плети через плечо, он ушел к себе, а мы выли, натягивая шорты.

* * *

Ночь после Воздаяния выдалась суровой. Как и мои братья, я отказался ужинать, хоть и был голоден, да и аромат стоял соблазнительный: мать приготовила жареную индейку с плантанами. Она знала, что гордость не позволит нам сесть за стол, и потому приготовила это редкое в нашем доме блюдо – чтобы усугубить наказание. На самом деле она не готовила *dodo* (жареные плантаны) уже очень давно – с тех самых пор, как с год назад мы с Обембе похитили пару кусочков из холодильника, а потом соврали, будто видели, как их съели крысы.

Мне отчаянно хотелось выбраться из комнаты и тайком стащить с кухни одну из четырех тарелок, на которых мать выложила наши порции. Удерживал меня страх предать братьев, устроивших голодовку. Неудовлетворенный голод лишь усиливал боль, и я очень долго плакал, пока наконец не заснул.

Наутро мать разбудила меня, похлопав по плечу.

– Бен, проснись, проснись. Отец хочет видеть тебя, Бен.

Каждая клеточка в моем теле горела от боли. Казалось, что в моих ягодицах стало больше мяса. Впрочем, к моему облегчению, братья прекратили голодовку, а я опасался, что она продлится еще целый день. После суровых наказаний мы дулись на родителей, избегали их и отказывались принимать пищу до тех пор, пока они не сдавались и – в лучшем случае – сами не просили прощения, стремясь чем-нибудь нас задобрить. Правда, на сей раз вышло иначе, потому что отец вызвал нас к себе.

Чтобы встать с кровати, мне пришлось сперва подползти к краю и медленно опустить ноги на пол. Ягодицы покалывало. В гостиной тускло светила стоявшая на середине стола керосиновая лампа. Электричество отключили еще вчера.

Последним, хромая и морщась на каждом шагу, пришел Боджа. Когда мы расселись по местам, отец долго и пристально смотрел на нас, подперев челюсть руками. Мать, сидящая лицом к нам, прямо передо мной, развязала узелок враппы под мышкой и приподняла чашечку лифчика. Сосок ее округлой, налитой молоком груди моментально исчез во рту у Нкем. Малышка жадно обхватила его – темный и твердый – губами, точно хищник, набросившийся на добычу. Отец с интересом разглядывал сосок, а когда Нкем начала есть, снял очки и положил их на стол. Всякий раз, когда он их снимал, в его темном, вытянутом лице отчетливее проступали черты сходства со мной и Боджей. Икенне и Обембе досталась кожа матери, цвета муравейника.

– А теперь слушайте, все вы, – произнес отец по-английски. – Ваш поступок сильно ранил меня, и причин тому множество. Во-первых, я *предупреждал*, чтобы в мое отсутствие вы не доставляли хлопот матери. А вы что? Доставили ей – и мне – самые настоящие хлопоты.

Он по очереди оглядел нас.

– Вы поступили очень дурно. Очень. Как могли дети, получающие западное образование, опуститься до такого вопиющего варварства? – Я тогда не знал, что значит слово «вопи-

ющий», но по тому, как отец выкрикнул его, понял: слово – нехорошее. – И во-вторых, мы с матерью в ужасе от того, как вы собой рисковали. Это же не школа, в которую я вас отправил. Нигде на берегах этой смертельно опасной реки не найдете вы книг. И хотя я велел вам постоянно читать, книги вас теперь не интересуют. – Затем, убийственно серьезно нахмурившись и подняв руку в вызывающем трепет жесте, он сказал: – Позвольте же предупредить вас, *друзья мои*: любого, кто принесет домой плохие оценки, я отправлю в деревню, пахать в поле или собирать пальмовое вино, *ogbu-akwu*.

– Не дай Бог! – Мать защелкала пальцами над головой, словно разгоняя угрожающие слова отца. – Мои дети не будут такими.

Отец удостоил ее гневного взгляда.

– Вот именно, *не дай Бог*, – сказал он, подражая нежному тону ее голоса. – Как же Господь такого не допустит, когда у тебя под носом, Адаку, они ходили на реку целых три недели? Целых. Три. Недели. – Качая головой, он по очереди загнул три пальца на руке, по числу недель. – А теперь послушай, *друг мой*, отныне ты будешь следить, чтобы дети читали книги. Слышишь? Отныне ты закрываешь лавку в пять, не в семь. И чтобы никакой работы по субботам. Я не позволю, чтобы у тебя под носом мои дети скользили вниз по наклонной.

– Я все поняла, – ответила на игбо мать, цыкая языком.

– В общем, – продолжил отец, обводя взглядом полукруг наших лиц, – хватит причуд. Постарайтесь быть хорошими сыновьями. Никому своих детей пороть не нравится. Никому.

Причуды. Отец часто употреблял это слово, и постепенно до нас дошел его смысл: бессмысленное потворство своим слабостям. Он хотел говорить дальше, но тут под потолком зажужжал вентилятор, возвещая возвращение электричества. Мать щелкнула выключателем, а затем прикрутила фитиль керосиновой лампы. Пользуясь временным затишьем, я при электрическом свете взглянул на календарь на стене. На дворе был уже март, однако страницу февраля так и не перевернули. На ней красовалась фотография орла в полете: крылья расправлены, лапы вытянуты, когти выпущены; сапфировые глаза смотрят прямо в камеру. Птица величественно парила на фоне природы, точно мир был ее творением, а она в нем – крылатый бог.

В тот момент мне подумалось: что-то должно внезапно измениться, нарушить этот бесконечный покой, – и меня вдруг парализовало страхом. Я испугался, что птица отомрет и начнет молотить в воздухе крыльями. Испугался, что она вдруг заморгает, засучит лапами. Испугался, что когда это произойдет и орел наконец покинет отведенное ему место в небе на странице – той, на которую Икенна перелистнул календарь 2 февраля, – мир и все в нем изменится до неузнаваемости.

– С другой стороны, вам следует знать: пускай вы и совершили дурной поступок, он лишний раз показывает, что в вас есть мужество искателей приключений. Такой смелый дух – это дух мужчины. И я хочу, чтобы отныне вы направляли его на полезные дела. Сделайтесь рыбаками иного сорта.

Мы удивленно переглянулись – все, кроме Икенны. Он смотрел в пол. Ему было хуже остальных, особенно потому, что отец возложил всю вину на него и порол особенно нещадно, не зная, что на самом деле Икенна отговаривал нас от рыбалки.

– Вы должны стать рыбаками, уносящими добрые мечты, и без особенно удачного улова домой не возвращаться. Вы должны стать настоящими гигантами, грозными и неудержимыми рыбаками.

Я сильно удивился. Мне-то казалось, что отец презирает это слово; ища объяснений, я взглянул на Обембе. Тот кивал, глядя отцу в рот и задорно выгнув брови.

– Молодцы, – пробормотал отец, и широкая улыбка разгладила морщины, прочерченные на полотне его лица гневом и яростью. – Я всегда учил вас тому, что даже из большого зла всегда можно извлечь что-нибудь доброе, – и поймите: из вас могут получиться совсем

иные рыбаки. Не те, что ловят рыбу в *грязной топи* Оми-Алы, а рыбаки разума. Хваткие люди. Те, которые окунают руки в чистые реки, моря и океаны жизни и добиваются успеха, становятся врачами, летчиками, профессорами, юристами. Ну, как? – Он снова оглядел нас. – Вот такими рыбаками я бы хотел видеть своих сыновей. А теперь давайте все вместе исполним гимн.

Мы с Обембе тут же кивнули, и тогда отец перевел взгляд на наших старших братьев, по-прежнему смотревших в пол.

- Боджа, ты с нами?
- Да, – неохотно пробормотал Боджа.
- Ике?
- Да, – после затянувшейся паузы произнес Икенна.
- Вот и хорошо, а теперь все вместе: ги-ган-ты.
- Ги-ган-ты, – повторили мы хором.
- Гроз-ны-е. Г-р-о-з-н-ы-е. Гроз-ные.
- Неудержи-мые.
- Рыбаки добра.

Отец гортанно засмеялся, поправил галстук и пристально посмотрел на нас. Затем вскинул руку, задев кончик галстука.

– Мы рыбаки! – проорал отец во всю глотку.

– Мы рыбаки! – почти так же громко, надрывая глотку, хором повторили мы. Каждый из нас был удивлен, как резко – и почти без усилий – мы все пришли в возбуждение.

– Идем за нашими крюками, лесками и грузилами.

Кто-то умудрился произнести «грузивилами» вместо «грузилами», и отец заставил нас несколько раз отдельно повторить это слово, а после продолжил. Правда, перед этим посетовал, что мы слишком много общаемся на йоруба вместо английского, языка «западного образования», потому и не знаем простейших слов.

- Мы неудержимые, – продолжил он, и мы повторили.
- Мы грозные.
- Мы гиганты.
- Мы победим.

– Молодцы, мальчики, – похвалил отец, когда на комнату, точно осадок на дно, опустилась тишина. – Новоиспеченные рыбаки обнимут меня?

Опустошенные и огорошенные переменой – как по волшебству нечто глубоко омерзительное превратилось в престижное, мы встали и по очереди обняли отца, утыкаясь в его грудь между лацканами пиджака. Каждого отец несколько секунд похлопывал по голове и целовал в макушку. Потом он достал из портфеля пачку новеньких двадцатинайровых купюр, скрепленных бумажной лентой с печатью Центрального банка Нигерии, и выдал нам деньги на карманные расходы: Икенне и Бодже по четыре купюры, мне и Обембе – по две. Еще по одной купюре он оставил для Дэвида, спящего тут же, и Нкем.

– Не забывайте наш разговор.

Мы кивнули, и отец уже хотел уйти, но, словно вспомнив о чем-то, опять повернулся к нам. Подошел к Икенне. Опустил руки ему на плечи и сказал:

– Ике, знаешь, почему тебе досталось больше всех?

Икенна, по-прежнему неотрывно глядя в пол, словно в экран кинотеатра, пробормотал:

- Да.
- И почему же?
- Потому что я первенец, старший.

– Молодец, не забывай об этом. Отныне, прежде чем сделать что-нибудь, оглядывайся на братьев – они следуют твоему примеру. К своей чести, вы сплочены, и потому, Икенна, не уводи братьев с истинного пути.

– Да, папа, – ответил Икенна.

– Будь для них хорошим лидером.

– Да, папа.

– Подавай им хороший пример.

Помедлив в нерешительности, Икенна все же пробормотал:

– Да, папа.

– Всегда помни: если кокос упадет в сливной бачок, орех потом придется хорошенько отмыть, прежде чем есть. Этим я хочу сказать, что если вы поступаете неверно, вас надо учить.

Родителям часто приходилось пояснять подобные выражения, содержащие скрытый смысл, потому что мы могли понять их буквально. Так уж родители выучились говорить; так был устроен наш язык, игбо. Вместо обычного: «Будь осторожен» – в языке есть простые слова предупреждения – мать с отцом предпочитали говорить: «Jiri ire gi guo eze onu – пересчитай зубы языком». Отец однажды сказал так Обембе, когда бранил его за проступок, а потом расхохотался, увидев, как Обембе и впрямь приступил к подсчету зубов: ворочает языком во рту – щеки сморщены и аж слюна потекла. Поэтому же родители чаще всего ругали нас на английском, ведь когда они злились, им было не до объяснений. Впрочем, даже говоря по-английски, отец часто забывался и употреблял как непонятные слова, так и фразеологизмы. Икенна рассказывал, что еще до моего рождения отец как-то совершенно серьезным тоном посоветовал ему «остыть немного», и он полез в холодильник.

– Понял вас, сэр, – произнес Икенна.

– И я постарался тебя научить, – сказал отец.

Икенна кивнул, и отец – невиданное дело! – взял с него слово. Икенна и сам удивился, ведь отец просто требовал от нас исполнять наставления, не спрашивая ни нашего мнения, ни согласия. Когда Икенна ответил: «Даю слово», он развернулся и вышел. Мы последовали за ним и стали смотреть, как он садится в машину и уезжает по пыльной дороге, и нам опять сделалось грустно.

4. Питон

Икенна был питоном.

Дикой змеей, которая стала чудовищным гадом, живущим на деревьях, на равнинах выше других змей. Икенна обернулся питоном после той порки. Она его изменила. Икенна превратился в неуравновешенного и вспыльчивого человека, который постоянно вынашивал какие-то планы. Правда, превращение началось задолго до порки и медленно шло глубоко внутри Икенны; наказание лишь заставило его проявиться. Превращение толкало Икенну на поступки, каких мы от него не ожидали. Началось с мести взрослому человеку.

Прошел примерно через час после того, как отец тем утром уехал в Йолу. Икенна дождался, когда мать вместе с младшими детьми уйдет в церковь, и собрал нас у себя в комнате. Объявил, что мы должны наказать Ийя Ийябо – за донос. В церковь мы не пошли, сказавшись больными после порки, и вот сидели на кровати и слушали старшего брата.

– Я своего добьюсь, и вы должны помочь, потому что это все из-за вас, – говорил Икенна. – Если бы вы меня слушали, торговка не наядбедничала бы и отец бы меня так сильно не выпорол. Вот, полюбуйтесь...

Она развернулся к нам спиной и спустил шорты. Объембе зажмурился, а я смотрел: пухлые ягодицы Икенны были испещрены красными полосами, похожими на те, что покрывали спину Иисуса из Назарета. Какие-то были длиннее, какие-то короче; какие-то пересекались, образуя алые кресты, тогда как некоторые, одиночные, напоминали линии злой участи на ладони.

– Все из-за вас и этой дуры. Так что давайте думайте, как ее наказать. – Икенна щелкнул пальцами. – Надо все сделать сегодня же, тогда она поймет: нельзя с нами связываться и ждать, что останешься безнаказанным.

Пока он говорил, за окном закричала коза: м-ме-е-е-е-е-е!

Боджа разозлился.

– Опять эта дурная коза! Ох уж она мне!.. – закричал брат, вскочив на ноги.

– А ну сядь! – заорал Икенна. – Забудь о козе и думай, как быть с этой женщиной. Надо успеть до возвращения матери.

– Ладно, – ответил Боджа и сел. – Ты знаешь, что у Ийя Ийябо полно кур? – Некоторое время Боджа сидел, глядя в окно; с улицы все еще доносилось меканье козы, и хотя Боджа явно думал о животном, вслух он произнес: – Да-да, у нее целое стадо.

– Почти одни петухи, – вставил я. Пусть Боджа знает, что кукарекают вовсе не куры.

Удостоив меня насмешливого взгляда, брат со вздохом произнес:

– Да, но разве так важно, самки это или самцы? Сколько раз тебе говорить: не лезь с этой глупой любовью к зверюшкам в важный...

Икенна осадил его:

– Ох, Боджа, сперва сам научись отличать важное от второстепенного. Сейчас важно – придумать план, а ты тратишь время на пустой гнев из-за тупой козы и упрекаешь Бена в том, что он напомнил о такой ерунде, как разница между петухом и курицей.

– Ладно, предлагаю украсть одну птицу, убить и зажарить.

– That is fatal! – воскликнул Икенна, сделав такую мину, будто его сейчас вырвет. – Нет, жрать ее кур – так не пойдет. И потом, как мы птицу зажарим? Мама обязательно учует запах. Она заподозрит, что мы украли курицу, а нам всыпят еще больше плетей. Оно нам надо?

От предложений Боджи Икенна никогда не отмахивался, не обдумав как следует. Эти двое друг друга уважали. Ни разу не видел, чтобы они спорили, зато на мои вопросы всегда рубили: «Нет», «Не так», «Неверно». Боджа покивал головой, соглашаясь с Икенной. Тогда Объембе предложил закидать ее двор камнями и молиться, чтобы попало либо в самую

торговку, либо в кого-то из ее сыновей, а потом взять ноги в руки и умотать, пока никто за нами не погнался.

– Плохая мысль, – ответил Боджа. – А вдруг ее сынки, эти вечно голодные парни в рваной одежде, здоровые, как Арнольд Шварценеггер, поймают нас и побьют? – Он изобразил, какие у них выпуклые бицепсы.

– Побьют еще сильнее, чем отец, – заметил Икенна.

– Да, – сказал Боджа, – представить страшно.

Икенна согласно кивнул. Я остался единственным, кто еще ничего не предложил.

– Бен, что у тебя? – спросил Боджа.

Я судорожно сглотнул; сердце забилося быстрее. Уверенность моя всегда таяла, когда старшие братья побуждали меня принять решение, вместо того, чтобы самим решить за меня. Я все еще соображал, как вдруг мой голос, словно обретя самостоятельность, произнес:

– Есть одна идея.

– Ну так говори! – велел Икенна.

– Хорошо, Ике, ладно. Предлагаю украсть у нее петуха и, – я вперился в его лицо, – и...

– Ну? – поторопил Икенна. Все посмотрели на меня, словно на чудо какое.

– ...отрезать ему голову.

Не успел я договорить, как Икенна вскричал:

– That is fatal! Круто!

Боджа выпучил глаза и принялся хлопать в ладоши.

Братья одобрили идею, которую я позаимствовал из народного сказания: его в начале четверти поведала нам учительница йоруба. В сказании говорилось о злобном мальчишке, который в гневе бросается обезглавливать всех петухов и куриц в стране.

Мы выбежали из дома и тайным путем побежали к дому торговли орехами, мимо кустов и лавки плотника – тут пришлось зажать уши руками, потому что механические пилы работали просто оглушительно. Ийя Ийябо жила в небольшом бунгало, внешне от нашего неотличимом: небольшая веранда, два окна с жалюзи и москиткой, электрический щиток на внешней стене, двойная входная дверь. Только забор отличался: он был не из кирпича и цемента, как у нас, а из грязи и глины. Он был весь в пятнах и мазках, время и солнце покрыли его трещинами. Со двора, проходя через крону одного из деревьев, к электрическому столбу тянулся кабель.

Мы прислушались, нет ли кого во дворе, но вскоре Икенна с Боджей пришли к выводу, что все чисто. Обембе по команде Икенны забрался тому на плечо и перемахнул через забор; затем к нему присоединился Боджа, а мы с Икенной остались стоять на стреме. Стоило нашим братьям спрыгнуть во двор, как сразу же кудахтанье стало громче; какая-то птица захлопала крыльями где-то совсем близко – и тут же послышался шум ног наших братьев, гонящихся за петухом. Им потребовалось несколько попыток, и вот Боджа закричал:

– Держи его, держи, не упусти!

Точно так мы кричали, когда на Оми-Але к нам на крючок попадала рыба.

Услышав эти крики, Икенна полез было на забор, чтобы посмотреть, как дела у братьев, но вдруг остановился и громко повторил слова Боджи, прозвучавшие из-за стены:

– Не упусти, не упусти.

Едва не роняя шорты, он уперся ногой в дыру в заборе; старое покрытие посыпалось, точно пыль. Икенна подтянулся и ухватился за верхний край ограды. Из-под руки у него шмыгнул сцинк – пестрый, гладкий и лоснящийся – и в страхе побежал прочь. Икенна же, перегнувшись через забор, принял у Боджи петуха.

– Вот молодец! Вот молодец! – прокричал он.

Мы вернулись домой и сразу прошли в сад на заднем дворе размером с четверть футбольного поля. Он был обнесен забором из бетонных кирпичей с трех сторон, две из которых обозначали границы с двумя соседними семьями: Игбафе и Агбати. За третьей стеной, смотревшей прямо на наш дом, располагалась свалка, там жило стадо свиней.

На свалке росла азими́на, и ее крона заглядывала к нам через забор, а в самом дворе, между стеной и колодцем, стояло мандариновое дерево – неподвластное времени и всегда укрывавшееся пышной зеленью в сезон дождей. Около пятидесяти метров разделяло это дерево и колодец, который представлял собой дыру в земле: кромка была окружена бетонным кольцом, к нему крепилась металлическая крышка. В сезон засухи отец запира́л ее на висячий замок – колодцы кругом пересыхали, и люди лазали к нам во двор, чтобы украсть воды. К стене, граничившей с территорией семьи Игбафе, лепился огород, где мать выращивала помидоры, кукурузу и бамию.

Боджа выбрал место казни и положил ошеломленного петуха на землю. Обембе передал брату большой кухонный нож. К ним присоединился Икенна, и все вместе они держали птицу; их совсем не трогали ее надрывные крики. На наших глазах Боджа с неожиданной легкостью принялся орудовать ножом – рассек петуху сморщенную шею, словно уже не раз пускал нож в дело. Словно ему суждено было пустить его в дело когда-нибудь снова.

Петух затрепыхался пуще прежнего, но его держали крепко. Я посмотрел через забор на соседский двухэтажный дом, из которого был прекрасно виден наш сад: дед Игбафе, небольшой старичок, который после случившейся несколько лет назад аварии перестал разговаривать, сидел на широкой веранде у входа в дом. Он обычно сидел там днями напролет, и мы потешались над ним.

Наконец Боджа обезглавил петуха: из шеи толчками вытекала кровь. Я снова посмотрел на безмолвного старика. На мгновение он показался мне ангелом, вестником беды, но предупреждений мы его не слышали, так как были слишком далеко. Я не видел, как Икенна выкопал в грязной земле маленькую ямку и зарыл туда голову птицы, но я смотрел, как обезглавленное тело бьется в агонии, разбрызгивая кровь и вздымая крыльями облака пыли. Мои братья еще сильнее прижали петуха к земле. Наконец он затих.

Затем Боджа подхватил тушку, и мы двинулись в обратный путь – оставляя за собой кровавый след и не обращая внимания на встречающих прохожих, со страхом таращивших на нас глаза. У забора торговли арахисом Боджа остановился и перекинул труп на ту сторону – тушка пролетела по дуге, роняя капли крови. Как только она скрылась из вида, мы почувствовали, какая она приятная – наша месть.

* * *

Однако пугающее превращение Икенны началось не тогда; началось оно задолго до отцовского Воздаяния, еще до того, как соседка застучала нас с удочками у реки. Впервые новая сущность Икенны проявилась, когда он попробовал отвратить нас от рыбалки, но то была тщетная попытка, ведь любовь к рыбалке глубоко проникла в наши вены и сердца. Тогда Икенна напоследок нарыл все, что известно о реке дурного, и чего мы прежде не замечали. Еще за несколько дней до того, как соседка донесла на нас матери, он жаловался, будто в кустах по берегам реки гадят все кому не лень. И пусть мы ни разу не застали никого за этим занятием и даже не чувствовали вони, которую он так дотошно нам описывал, спорить с Икенной не решились. А еще он попытался убедить нас, что рыба в реке Оми-Ала отравлена, и запретил носить ее к нему в комнату. Тогда мы стали прятать ее в спальне у меня и Обембе. Однажды Икенна даже сказал, что во время рыбалки заметил под водой человеческий скелет и что Соломон дурно на нас влияет.

Все это Икенна сообщил нам, словно недавно раскрытую непреложную истину, однако наша любовь к рыбалке была подобна льду в бутылке, который так просто не растопишь. Не то чтобы это занятие нравилось нам от и до, нет, каждый был чем-то недоволен. Боджу, например, бесило, что река слишком мелкая и водятся в ней только «бесполезные» рыбешки. Обембе не давала покоя тайна, что делает рыба по ночам – ведь в реке, под водой, света нет. Как, задавался он то и дело вопросом, рыба плавает? Там же тьма кромешная, она укрывает воду по ночам, точно покрывало, а у рыб ни электричества, ни керосиновых ламп. Я же презирал этих рыбешек и головастика за слабость: они дохли слишком быстро, даже если мы держали их в речной воде! От этой их чахлости мне иногда хотелось плакать. Утром, в тот день, когда нас застукала соседка, – Соломон позвал нас рыбачить, и Икенна поначалу отказывался идти на реку. Но увидев, что мы, его младшие братья, собираемся уйти без него, присоединился к нам и забрал у Боджи свою удочку. Все мы вместе с Соломоном принялись подбадривать его, называть Рыбаком-героем.

Внутри Икенны будто поселился неутомимый враг, который глодал его, выжидая своего часа, пока мы готовили и исполняли план возмездия Ийя Ийябо. Икенной он окончательно завладел в день, когда он разорвал узы связи со мной и Обембе, оставив при себе лишь Боджу. Отныне нам с Обембе был заказан ход в комнату к старшим братьям, а еще они не стали брать нас с собой на новое футбольное поле, которое подыскиали через неделю после порки. Нам с Обембе не хватало их компании, и мы тщетно ждали их возвращения по вечерам, тоскуя из-за того, что близость между нами слабела. Однако шли дни, и становилось ясно: Икенна избавился нас, как от инфекции – будто выкашлял мокроту.

Примерно в то же время Икенна и Боджа повздорили с одним из детей нашего соседа мистера Агбати. У того был грузовик-развалюха, который все называли Аргентиной. Прозвище этот драндулет получил из-за надписи на бортах: «Выращено в Аргентине». Из-за своей маломощности грузовик, заводясь, оглушительно тархтел, пугая всю округу, и, случалось, люди просыпались ни свет ни заря. Из-за этого на владельца часто жаловались и даже порой вспыхивали ссоры. Во время одной такой стычки соседка саданула мистера Агбати каблуком туфли по лбу, и у него там вылезла непроходящая шишка. С тех пор мистер Агбати, перед тем как завести машину, рассылал по дворам детей, и они извещали соседей: стучали пару раз в дверь или ворота, предупреждая: «Ох, папа-ван заводит Аргентину», – и бежали дальше, к следующему дому.

В то утро Икенна, который становился все более вспыльчивым и агрессивным, обозвал старшего сына мистера Агбати *надаедой* – так отец называл тех, кто шумит без нужды, – и в результате они подрались.

Позднее, в тот же день, мы пришли из школы и пообедали. Икенна с Боджей отправились играть в футбол, а мы с Обембе остались дома – грустные, что нас не берут с собой. Мы сели смотреть телевизор, и не успела закончиться одна программа – о человеке, помогавшем улаживать семейные ссоры, – как братья вернулись. Их не было всего полчаса. Они быстро скрылись у себя в комнате, но я успел заметить, что у Икенны лицо в грязи, а верхняя губа разбита и опухла; на футболке, на спине которой красовался номер 10 и имя Окоча, были пятна крови. Стоило братьям запереться, как мы с Обембе метнулись к себе в комнату и прильнули ушами к стене – подслушать разговор и узнать, в чем же дело. Сперва было слышно лишь, как они хлопают дверцами шкафа да топают по вытертому ковру. Мы еле дождались слов:

– Я бы тоже стал драться, если бы не боялся, что тогда и Нейтан с Сегуном вмешаются. – Это говорил Боджа. – Если бы я только знал наверняка, что они не полезут, если бы только знал наверняка...

Снова послышался приглушенный топот ног по ковру, а после Боджа продолжил:

– Эта недоумок тебя даже толком не побил. Ему вообще повезло, что он смог... – он помедлил, подбирая нужное слово, – ... что смог... сделать это.

– Ты не стал за меня драться, – выпалил Икенна. – Нет! Стоял в стороне и смотрел. Даже не думай отрицать.

– Да я мог бы... – начал было Боджа после небольшой паузы.

– Нет, ты не дрался! – прокричал Икенна. – Стоял в стороне!

Их крики долетели даже до комнаты матери. Она не пошла на работу, потому что Нкем пропоносилась. Мы услышали, как она с трудом поднимается на ноги и шлепает в тапочках по полу. Как стучится в комнату к нашим братьям.

– Что у вас происходит? Чего раскричались?

– Мама, мы спать хотим, – ответил Боджа.

– Поэтому дверь не открываете? – спросила она и, не дождавшись ответа, сказала: – Из-за чего шум?

– Не из-за чего, – резко ответил Икенна.

– Хорошо, коли так, – сказала мать. – Хорошо, коли так.

И снова ритмично зашлепали тапочки, когда она пошла обратно к себе.

* * *

На следующий день Икенна с Боджей не пошли играть в футбол; остались у себя в комнате. Обеим решил воспользоваться шансом и начать заново с ними общаться, а чтобы выманить братьев в гостиную, дождался любимого сериала Икенны. Старшие братья не смотрели телевизор с тех самых пор, как соседка застучала нас на Оми-Але, и Обеим отчаянно тосковал по тому времени, когда мы все с диким восторгом наслаждались любимыми программами: йорубской мыльной оперой «Агбала Ове» и австралийским сериалом «Скиппи». Обеим хотел поговорить с братьями и без просмотра телевизора, но его останавливал страх досадить им. Сегодня, однако, терпение у него закончилось, к тому же «Скиппи» был любимым фильмом Икенны. Обеим сперва, вытянув шею, заглянул через замочную скважину в комнату братьев. Затем перекрестился, произнес одними губами: «Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа» – и принялся расхаживать по комнате, напевая главную тему из сериала:

*Skippy, Skippy, Skippy the bush kangaroo
Skippy, Skippy, Skippy our friend ever true⁸.*

В те мрачные дни, когда мы были с братьями порознь, Обеим много раз признавался, что хочет покончить с разрывом, а я неизменно предупреждал: он может навлечь на себя их гнев. Мне всегда удавалось разубедить Обеим. Когда я услышал пение, то снова за него испугался.

– Не надо, Обе, они побьют тебя, – обратился я к брату, жестами умоляя его прекратить. Эффекта просьбы возымели не более, чем щипок, от которого через секунду уже забываешь, – Обеим лишь на мгновение отвлекся. Взглянул на меня так, будто не расслышал. Покачал головой и продолжил:

– Скиппи, Скиппи, Скиппи, из буша кенгуру...

Наконец ручка двери в комнату братьев провернулась, и Обеим затих. Икенна вышел и, пройдя к креслу рядом со мной, сел. Обеим стоял, точно статуя, под фотографией в рамке:

⁸ Скиппи, Скиппи, Скиппи, из буша кенгуру, Скиппи, Скиппи, Скиппи – наш самый верный друг. (англ.)

Nnene, мать отца, в 1981 году с новорожденным Икенной на руках. Он стоял у стены очень долго, будто пригвожденный. Следом за Икенной вышел Боджа и тоже сел в кресло.

Скиппи на экране только что сразилась с гремучей змеей: всякий раз, как змея пыталась ужалить ее, кенгуру совершала немыслимые прыжки, – и теперь облизывала лапы.

– О, терпеть не могу, когда эта тупая Скиппи вот так лижет лапы! – вспыхнул Икенна.

– Она только что сражалась со змеей, – заметил Обембе. – Ты бы видел...

– Тебя кто спрашивал? – прорычал Икенна, вскочив на ноги. – Я говорю: тебя кто спрашивал?

В порыве гнева он пнул детский стульчик на колесиках, да с такой силой, что тот врезался в полку, где стояли телевизор, видеоплеер и телефон. Фотография отца – еще молодого банковского клерка – в рамке и под стеклом упала за шкаф. Стекло разбилось на мелкие осколки.

– Кто тебя спрашивал? – повторил Икенна; судьба драгоценного отцовского портрета его не тревожила. Он нажал красную кнопку на панели телевизора, и экран погас.

– Оуа, а ну все по комнатам! – крикнул он.

Мы с Обембе сломя голову убежали к себе и уже оттуда услышали, как Икенна произнес:

– Боджа, а ты чего ждешь? Я же сказал: все.

– Что, Ике, и я тоже? – поразился Боджа.

– Да, я сказал: все!

Боджа молча утопал к себе в комнату и хлопнул дверью. Когда мы все ушли, Икенна снова включил телевизор и стал смотреть его – один.

Сейчас я думаю, что именно тогда между Икенной и Боджей – там, где прежде не было и тени барьера, – залег фундамент стены. Наша жизнь приняла иную форму, наступило новое время, когда ревут от гнева черепа и взрываются бездны. Наши старшие братья перестали разговаривать. Боджа, точно падший ангел, рухнул с небес на землю – туда, где давно уже томились мы с Обембе.

* * *

Когда метаморфоза Икенны еще только началась, мы все верили, что рука, стиснувшая его сердце, скоро разожмется, но дни сменяли друг друга, а Икенна все отдалялся от нас. Через неделю или около того он, горячо поспорив с Боджей, побил его. Мы с Обембе сидели у себя, когда это произошло, – старались не оставаться в гостиной вместе с Икенной, зато Боджа часто там задерживался. Должно быть, его назойливость и разозлила Икенну. Я слышал только звуки ударов да крики: братья спорили и ругались друг на друга.

Все случилось в субботу, и мать – которая по субботам больше не работала – дремала у себя в спальне. Но когда поднялся шум, она выбежала в гостиную – завернутая во враппу от груди до пояса, потому что кормила расплакавшуюся Нкем. Сперва она пыталась докричаться до Икенны и Боджи: «Хватит драться!» – но те не слышали ее. Тогда она встряла между ними и разняла, однако Боджа все равно не отпустил футболку Икенны. Тот попытался высвободиться и так яростно дернул Боджу за руку, что нечаянно сорвал с матери враппу.

– Ewooh! – вскричала мать, оставшись в трусах. – Вы что, проклятья на свои головы ищите? Смотрите, что натворили: совсем раздели меня. Вы хоть знаете, что это значит – увидеть меня голой? Вы хоть знаете, что это святотатство – *alu*? – Она снова завернулась в платок. – Я все, все до последней мелочи, расскажу о вас Эме, даже не сомневайтесь.

Она защелкала пальцами перед их лицами. К тому времени они, тяжело дыша, разошлись.

– А теперь скажи мне, Икенна, что тебе сделал Боджа? Из-за чего вышла драка?

Икенна сбросил футболку и зашипел на мать. Это было немыслимо: шипеть на старшего в культуре игбо означает самым непростительным образом выказать непокорство.

– Что, Икенна?

– Да, мама, – ответил он.

– Ты шипел на меня? – спросила мать, сперва по-английски, а потом, сложив руки на груди, повторила на игбо: – *Obu mu ka ighi na'a ma lu osu?*

Икенна промолчал. Он отошел к креслу, на котором сидел до драки, и, подобрав футболку, направился к себе в комнату. Он так сильно хлопнул дверью, что на окнах задребезжали жалюзи. Мать, пораженная столь наглой выходкой – сын посмел отвернуться от нее и уйти во время беседы, стояла, раскрыв рот. Она гневно смотрела на дверь его комнаты. Она уже хотела ворваться к нему и научить уму-разуму, но тут заметила, что у Боджи разбита губа. Он прижимал к окровавленному рту покрытую малиновыми пятнами футболку.

– Это он тебя так? – спросила мать.

Боджа кивнул. Глаза у него покраснели; он давился слезами, но не плакал, потому что это значило бы, что он проиграл. Мы с братьями после драк плакали редко, даже если нам отвечивали серьезных тумакон и попадали в самые уязвимые места. Мы сдерживали слезы и, только оставшись наедине с собой, давали чувствам волю.

– Отвечай! – прикрикнула мать. – Оглох?

– Да, мама, это он.

– *Onye* — кто? Ике-нна?

Уперев взгляд в окровавленную футболку, Боджа снова кивнул. Мать подошла к нему и коснулась разбитой губы, но Боджа скривился от боли. Не сводя глаз с раны, мать отступила на шаг.

– Говоришь, это сделал Икенна? – снова спросила она, как будто Боджа еще не ответил.

– Да, мама, – подтвердил он.

Мать снова затянула враппу, на этот раз потуже. Затем быстро подошла к двери в комнату Икенны и принялась барабанить в нее, требуя отворить. Икенна не отвечал, и тогда она принялась сыпать угрозами, по временам цыкая языком, чтобы придать словам больше весу.

– Икенна, если сейчас же не откроешь, я покажу тебе, что я – твоя мать и что ты пришел в этот мир из моего живота.

Теперь, когда в ход пошло цыканье, долго ждать не пришлось – дверь открылась. Мать вошла и сразу накинулась на Икенну. Последовала яростная схватка: Икенна вел себя крайне непочтительно и ругался в ответ. На каждую оплеуху грозил ответить ударом, чем сильнее злил мать и получал еще больше шлепков. Икенна громко плакал и упрекал мать, что она его ненавидит, ведь это Боджу надо наказывать – за то, что спровоцировал драку. В конце концов он выбежал в дверь, оттолкнув мать. Она упала, поднялась и кинулась было за ним, но снова потеряла враппу. Когда мать выбежала в гостиную, Икенны уже и след простыл. Снова обмотав враппу вокруг груди, мать поклялась:

– Небо и земля мне свидетели, – она коснулась языка кончиком указательного пальца, – пока не вернется отец, Икенна, ты в этом доме еды не получишь. Плевать, где и как ты будешь есть. – Она говорила сквозь слезы. – Только не в этом доме. Пока Эме не вернется, здесь тебе еды не будет.

Она обращалась, скорее, к нам – мы с братьями сгрудились в гостиной, – и к посторонним, к соседям в первую очередь, которые наверняка подслушивали из-за обсиженного ящерицами забора. Сам-то Икенна убежал: перешел, наверное, улицу и отправился на север в сторону Сабо – по грунтовой дороге, что вела дальше, в ту часть города, где за тремя школами возвышались старые холмы, в ветхом здании ютился кинотеатр, а с минарета крупной

мечети каждое утро из мощных динамиков раздавалось пение муэдзина. В тот день Икенна домой не вернулся. Спал он где-то в другом месте, но никому потом не сказал где.

Мать всю ночь расхаживала по дому в тревоге, ожидая, что вот-вот в наружную дверь постучится Икенна. В полночь все же заперла ворота на замок – в те дни в Акуре часто случались вооруженные ограбления – и села со связкой ключей у входной двери. Нас она развела по комнатам; один только Боджа остался в гостиной, не решаясь пойти в свою спальню: так он боялся Икенны. Мы с Обембе, правда, тоже глаз не сомкнули, лежали и прислушивались: мать почти не сидела на месте, то и дело вскакивала и выбегала во двор: ей мерещился стук в ворота, – однако возвращалась она неизменно одна.

Позднее начался ливень. Мать принялась звонить отцу, однако трубку никто не снял. Вслушиваясь в повторяющиеся звуки – бип-бип, бип-бип, – я представлял, как отец сидит в новом доме, в опасном городе, и, надев очки, читает выпуск «Гардиан» или «Трибьют». Но вот начались помехи, и этот образ пропал. Мать положила трубку.

Я не заметил, как заснул. Просто внезапно вместе с братьями очутился в нашей деревне Амано, близ Умуахии. Мы играли в футбол – двое надвое – у берега реки. Боджа ударил по мячу, и тот улетел на мостик, который некогда служил единственным средством переправы. Его во время гражданской войны в спешке возвели биафрийские солдаты – предварительно взорвав основной мост, чтобы иметь путь к отступлению на случай вторжения нигерийских войск. Мостик был скрыт в лесу. Сделанный из досок и скрепленный продетыми в ржавяющие металлические петли толстыми веревками, без перил, так что держаться было совершенно не за что, он тянулся от одного каменистого берега к другому. Россыпь камней и валунов пролегла от холмистой части леса и уходила под воду, но под мостиком виднелась у самой поверхности.

Икенна без лишних раздумий помчался к мосту, и вот он уже на середине. Но стоило ему подобрать мяч, как он понял, что попал в беду. Дрожа, Икенна поглядел в пропасть под собой, и в пропасти ему открылось видение своей смерти: он упадет и разобьется о камни. Охваченный ужасом, Икенна завопил:

– Помогите! Помогите!

Напуганные не меньше его, мы закричали в ответ:

– Ике, давай к нам, сюда!

Послушавшись нашего совета, он раскинул руки в стороны – мяч ухнул вниз – и двинулся к нам. Ступая медленно, точно вброд через лужу густой грязи. Он шел, опасно покачиваясь, но тут доски – старые и гнилые – треснули, и мостик развалился на две части. Икенна вместе с трухлявыми досками и металлическими кольцами полетел вниз; раздался вопль о помощи. Икенна все еще падал, когда я, внезапно пробудившись, услышал голос матери: она распекала Икенну за то, что тот подвергает свою жизнь опасности, ночуя где попало, и еще вернулся простуженный.

Я как-то слышал, что сердце разгневанного человека бьется не так живо. Оно растягивается, раздувается, точно шарик, но в конце концов снова сдувается. Так было и с моим старшим братом. Тем утром, услышав его голос, я выбежал в гостиную, чтобы убедиться своими глазами: он вернулся – промокший до нитки, беспомощный и сломленный.

* * *

С каждым днем Икенна все больше отдалялся от нас: я почти не видел его тогда. Я узнавал о его существовании по каким-то косвенным признакам: где-то раздавался его преувеличенно громкий кашель или он, слушая транзисторный приемник, выкручивал ручку звука до упора, так что мать, если ей случалось быть дома, просила убавить громкость. Иногда я замечал его спину – когда он в спешке убегал из дому.

На той неделе я увидел Икенну, лишь когда он вышел из своей комнаты посмотреть футбольный матч по телевизору. Накануне вечером Дэвид заболел, и его рвало, поэтому мать не пошла в свою лавку на городском базаре – осталась нянчиться с нашим братишкой. И вот, пока она сидела у себя, мы с братьями после уроков устроились перед теликом. Икенна не устоял перед искушением и вышел посмотреть матч. Нас он прогнать из гостиной не мог – мать же была дома – и потому тихий, как олень, уселся за обеденный стол.

Близился конец первого тайма, когда в гостиную, сжимая в руке десятинайровую купюру, вышла мать.

– Вы, двое, сходите и купите лекарство для Дэвида.

Хотя она не назвала имен, но обращалась явно к Икенне и Бодже, потому что по поручениям мотались они, старшие. Однако шли секунды, а никто из них даже не шевельнулся. Мать потрясенно воззрилась на них.

– Мама, я что, у тебя единственный? – спросил Икенна, потирая подбородок в том месте, где, по словам Обембе, у него уже начала расти щетина. И хотя я своими глазами бороду не видел, спорить с Обембе не стал: Икенне сравнялось пятнадцать, и для меня он был уже полноценным взрослым, значит, и борода у него могла расти. Вместе с этой мыслью меня посетил сильный страх: выросший Икенна окончательно перестанет общаться с нами, уедет в колледж или просто покинет дом. Правда, эта мысль оформилась у меня в голове не полностью – висела где-то в уме, точно акробат из телепрограммы, который, выполнив головокружительный трюк, застывал в воздухе – только нажми кнопку паузы, – не в силах приземлиться.

– Что? – переспросила мать.

– Может, кого другого пошлешь? Почему всегда я? Я устал и не хочу никуда идти.

– Хочешь, не хочешь, а вы с Боджей пойдете и купите лекарство. Inugo – слышал?

Икенна пришел в ярость; опустил взгляд и, подумав, покачал головой:

– Ладно, я так я, но пойду один.

Он встал и подошел к матери, готовый забрать у нее деньги, но мать сжала купюру в кулаке. Потрясенный, Икенна попятился.

– Ты что, не дашь денег, чтобы я уже пошел? – спросил он.

– погоди. Сначала ответь на вопрос: что тебе сделал брат? Мне правда нужно знать. Очень.

– Ничего! – вскричал Икенна. – Ничего, мама, со мной все хорошо. Просто дай деньги, и я пойду.

– Я не о тебе спрашиваю, а о том, как ты с братом обращаешься. Взгляни, что у Боджи с губой. – Она указала на лицо Боджи, хотя губа у него почти зажила. – Посмотри, что ты с ним сделал. Разве можно так с родным братом?!

– Давай уже деньги, и я пойду! – взревел Икенна, выпрастывая руку.

Однако мать невозмутимо заговорила одновременно с ним, словно соревнуясь. Два потока слов смешались, переплелись:

– Nwanne gi ye mu n hulu ego nwa anra ih nhulu ka mu ga ba – родным братом – дай сюда – который сосал – деньги – ту же грудь – и я уже – что и ты – пойду!

– Давай сюда, и я пойду! – кричал, еще сильнее повышая голос, Икенна. Реплики матери, которые, казалось, цеплялись за его слова, приводили его во все большее бешенство. Мать же отвечала, тихо пощипывая и размеренно качая головой.

– Просто дай деньги, я хочу пойти один, – немного спокойнее произнес Икенна. – Прошу тебя, пожалуйста, просто дай мне деньги.

– Да поразит твои уста гром, Икенна! Chinekem eh! Боже мой! С каких пор ты мне перечишь, а, Икенна?

– Что я еще не так сделал? – прокричал Икенна и бешено затопал ногами в знак протеста. – В чем дело? Чего ты ко мне придираешься? Что я тебе сделал, женщина? Почему ты не оставишь меня в покое?

«Женщина». Всех нас – как и мать – такое обращение к ней потрясло.

– Икенна, ты ли это? – подавленно спросила мать, тыча в него указательным пальцем. – Ты ли это – селезень, что хлопает крыльями, точно петух? Ты ли это? – Но не успела она договорить, как Икенна развернулся и направился к двери. Увидев, как он открывает ее, мать щелкнула пальцами и крикнула ему вслед: – Вот погоди, позвонит твой отец – и я расскажу ему, во что ты превратился. Даже не сомневайся, пусть только он придет.

Икенна зашипел и – демонстрируя невиданные доселе в нашем доме непослушание и наглость – вылетел из дому, хлопнув дверью. И, словно завершая сцену, снаружи раздался бешеный рев клаксона. Когда он наконец умолк, в ушах у меня еще звенело эхо, усиливая впечатление от вызывающего поступка Икенны. Мать опустилась в одно из кресел. Потрясение и гнев крепче стиснули ей сердце, она что-то обреченно бормотала себе под нос, сжав на груди руки.

– Он отрастил рога. Икенна себе рога отрастил.

Ее отчаяние потрясло меня. Казалось, некая любимая часть ее тела, которой она всегда спокойно касалась, вдруг оцетинилась иглами, и мать, пытаясь дотронуться до нее, ранилась о них до крови.

– Мама, – позвал Обембе.

– А, Nnam – мой отец, – ответила мать.

– Дай деньги мне, – сказал Обембе. – Я сгоняю за лекарством, а Бен может пойти со мной. Я не боюсь.

Взглянув на него, мать кивнула. Лицо ее озарилось улыбкой.

– Спасибо, Обе. Но уже темно, так что с тобой пойдет Боджа. Будьте осторожны.

– Я тоже пойду, – вызвался я, собираясь уже идти за уличной одеждой.

– Нет, Бен, – возразила мать. – Останься со мной. Двоих хватит.

После крушения наших жизней я многое стал видеть под особым углом, и в этом новом состоянии ума часто вспоминаю фразу: «Двоих хватит». Мать словно предчувствовала, что постигнет нашу семью всего через несколько недель.

Я присел рядом с матерью и Обембе и задумался, как сильно переменился Икенна. Он никогда не грубил матери, ведь он ее очень любил. Он даже был похож на нее больше нас всех: ему достался ее цвет кожи оттенка тропического муравейника. В этой части Африки женщин часто называли по имени первенца; нашу маму звали Мама Ике или Адаку. Икенне в младенчестве ласки досталось больше, чем остальным, и годами позже каждый из нас спал в его кровати. Нам по наследству переходили его корзинки с лекарствами и предметами детской гигиены. В прошлом он всегда заступался за мать – даже если против нее выступал сам отец. Порой, если мы ослушивались мать, Икенна наказывал нас прежде нее. Видя, как эти двое ладят, отец спокойно оставил семью, уверенный, что мы и в его отсутствие не отобьемся от рук. У него даже имелся шрамик от укуса Икенны – на безымянном пальце правой руки: еще до моего рождения отец как-то в порыве гнева ударил мать, и Икенна набросился на него. Укусив отца, он и остановил тогда ссору.

5. Метаморфоза

Икенна претерпевал метаморфозу.

И с каждым днем коренным образом менялась его жизнь.

Он отгородился от всех нас, и хотя мы не могли до него достучаться, сам он продолжал совершать разрушительные поступки, которые оказывал ощутимые последствия на нашу жизнь. Один такой случай произошел на неделе, последовавшей за ссорой с матерью. Было намечено родительское собрание, и занятия в школе завершились рано. Икенна засел у себя в комнате, а мы с Обембе и Боджей резались у нас в карты. День стоял особенно жаркий, и мы, раздевшись по пояс, сидели на ковре. Распахнув окно, мы подперли створку небольшим камнем. Боджа услышал, как хлопнула дверь его комнаты, и сказал:

– Ике вышел.

Затем, после небольшой паузы, открылась и закрылась входная дверь. Икенну мы не видели уже два дня: дома он почти не появлялся, а когда приходил, то сразу запирался в спальне, и тогда к нему не решался войти никто, даже Боджа, который делил с ним комнату. Он после той драки сторонился Икенны: мать велела не общаться со старшим братом, пока отец не вернется и не изгонит злых духов, им овладевших. Вот Боджа и проводил время с нами, возвращаясь к себе, лишь когда Икенны в комнате не было.

Боджа метнулся за нужными ему вещами, а мы с Обембе остались ждать его, чтобы после продолжить игру. Но едва он зашел в свою комнату, как прокричал:

– Mogbe! – Это был горестный возглас на йоруба. Мы выбежали в гостиную, а Боджа принялся восклицать:

– Календарь М.К.О.! Календарь М.К.О.!

– Что? Что? – спрашивали мы с Обембе, врываясь в соседнюю спальню. И тут же сами все увидели.

Наш драгоценный календарь М.К.О. был тщательно уничтожен: на полу остались только обугленные клочки. Я глазам своим не поверил и потому взглянул туда, где он всегда висел: на месте календаря был чистый, яркий, почти лоснящийся след в форме прямоугольника, с грязноватыми пятнами от клейкой ленты по углам. Я ужаснулся; это просто не укладывалось в голове, ведь календарь М.К.О. был особенный. Историю, как мы его получили, мы пересказывали с гордостью, как наивысшее достижение.

Дело было в середине марта 1993 года, в самый разгар предвыборной гонки за пост президента Нигерии. Утром мы прибежали в школу под затихающий звонок и быстро смешались с толпой галдящих учеников, которые в зависимости от класса устремлялись в том или иной ряд. Я занял место среди дошколят, Обембе – среди первоклашек, Боджа встал с четвероклассниками, а Икенна – с пятиклассниками, он был второй с краю, у ограды. Когда все собрались, началась утренняя линейка. Школьники спели церковные гимны, прочитали «Отче наш», а после исполнили гимн Нигерии. Затем мистер Лоуренс, завуч, поднялся на подиум и открыл большой школьный журнал. Он стал в мегафон называть имена; каждый, услышав свои имя и фамилию, отзывался: «Здесь, сэр!» – и тут же вскидывал руку. Мистеру Лоуренсу приходилось вот так выкрикивать имена всех четырех сотен учащихся. Когда же он добрался до четвертого класса и назвал первое имя в столбце: «Боджанонимеокпу Альфред Агву», ученики разразились хохотом.

– В лица всех ваших отцов! – выкрикнул Боджа, вскинув обе руки и растопырив пальцы. Это был жест проклятия, *waka*, в адрес насмешников.

Хохот умолк моментально: ребята застыли, не смея ни пошевелиться, ни слово сказать; сперва слышался редкий шепот, да и он быстро стих. Даже ужасный мистер Лоуренс, поровший крепче нашего отца и почти не расстававшийся с хлыстом, остолбенел на мгновение,

не зная, что делать. Боджа успел разозлиться еще до школы: отец заставил его вынести на улицу обмоченный им с утра матрас. Может быть, именно поэтому он так и отреагировал; ребята в школе всегда смеялись, когда мистер Лоуренс, йоруба, пытался правильно произнести полное имя Боджи (а ведь мы были игбо). Прекрасно зная о неспособности мистера Лоуренса правильно произнести его имя, Боджа давно привык к тому, что тот использует условно похожие звуки, и в зависимости от его настроения варианты либо слух резали – Боджанонкву, – либо вызывали дикий смех – Боджанолооку. Боджа сам над этим хвастливо подшучивал: такой вот он грозный, словно божество какое-нибудь, попробуй без запинки назови его имя. До того утра Боджа подобными моментами наслаждался и никогда не жаловался.

На трибуну взошла директриса, и огорошенный мистер Лоуренс отступил назад. Мегафон, переходя из рук в руки, издал скрежещущий звук.

– Кто произнес эти слова на территории детского сада и начальной школы Омотайо? Прославленного христианского учебного заведения, основанного и возведенного по слову Божьему? – спросила директриса.

Меня охватил страх, что Боджу за эту выходку непременно и сурово накажут: либо высекут прямо на трибуне, либо попросят «потрудиться», то есть подмести всю школьную территорию или голыми руками прополоть клумбы перед фасадом. Обембе стоял в двух рядах от меня; я пытался поймать его взгляд, но он неотрывно следил за Боджей.

– Я спросила: кто? – вновь пророкотала директриса.

– Это я, *ма*, – отозвался знакомый голос.

– Кто ты? – уже тише спросила директриса.

– Боджа.

Последовала короткая пауза, и затем глава нашей школы скомандовала:

– Подойди.

Боджа уже направился к трибуне, но тут вперед выбежал Икенна. Загородив ему путь, он закричал:

– Нет, *ма*, это несправедливо! Что он такого сделал? Что? Если собираетесь наказать его, то накажите и всех, кто над ним посмеялся. С какой стати они издеваются над моим братом?

Тишина, что последовала за этими смелыми словами, за неповиновением Икенны и Боджи, на миг обрела сакральный оттенок. Мегафон, вывалившись из дрогнувшей руки директрисы, упал на землю и противно заскрежетал. Директриса подобрала его и, положив на кафедру, отошла в сторону.

– Вообще, – снова заговорил Икенна, перекрикивая стаю птиц, устремившихся в сторону холмов, – это нечестно. Мы скорее из школы уйдем, чем станем терпеть несправедливое наказание. Мы с братьями все уйдем. Прямо сейчас. Есть и другие школы, где дают западное образование, получше вашего. Папа больше не станет отстегивать вам деньжищ.

В сверкающем зеркале памяти я снова вижу, как мистер Лоуренс неуклюже направился к своей длинной трости и как директриса остановила его жестом руки. Да и не останови она завуча, он все равно не угнался бы за Икенной и Боджей, которые уже шли через ряды однокашников. Те плавно расступались перед ними; ребят, как и учителей, объял страх. Вот старшие братья схватили нас с Обембе за руки, и мы помчались прочь со двора.

Сразу мы домой не пошли: мама только родила Дэвида и на работу не ходила. Икенна сказал, что если вернемся меньше чем через час после ухода, то она разволнуется. Поэтому мы шатались по улицам, пока не забрели на самую крайнюю, за которой начинался пустой луг, отмеченный знаками типа «Частная собственность такого-то. Не входить». Мы остановились у фасада недостроенного дома; прошли мимо обгаженных собаками кирпичей

и неровных горок песка, вошли под крышу недостройки и присели на вымощенный пол. Обембе предположил, что тут должна была быть гостиная.

– Видели бы вы физиономию директрисыной дочки, – сказал Боджа. Жутко довольные собой, мы принялись утрированно изображать учителей и других школьников, чтобы было похоже на сцену из фильма.

Мы еще с полчаса обсуждали случай на перекличке, когда наше внимание привлек нарастающий издали шум. По дороге в нашу сторону неспешно катил грузовик «Бедфорд», обклеенный плакатами с портретом Вождя М.К.О. Абиолы, кандидата в президенты от социал-демократической партии. Набившиеся в открытый кузов люди горланили песню, которая в те дни часто звучала по государственному телевидению. Песню, в которой М.К.О. называли «хозяином». Кто-то из пассажиров пел, кто-то играл на барабанах, а двое – в белых футболках с портретом М.К.О. – дули в трубы. По всей улице люди выходили из домов, сараев и лавок, выглядывали в окна. Некоторые из пассажиров грузовика спрыгивали на землю и принимались раздавать плакаты. Икенне, который вышел агитаторам навстречу, тогда как мы предпочли остаться в укрытии, достался небольшой, с улыбающимся М.К.О., белой лошадей рядом и вертикально расположенными словами: «Надежда 93-го. Прощай, бедность!» – в правом верхнем углу.

– Может, пойдем за ними и посмотрим на М.К.О.? – внезапно предложил Боджа. – Если он победит на выборах, потом всем будем хвастать, что живую видели президента Нигерии!

– Э-э... верно, но если мы пойдем за ними в школьной форме, – возразил Икенна, – то нас, скорей всего, прогонят. Эти люди отлично знают, что уроки в школах еще идут и что никто бы нас с занятий не отпустил.

– А мы ответим, что увидели грузовик и побежали следом, – ответил на это Боджа.

– Да, да, – согласился Икенна, – тогда они нас зауважают.

– А может, не станем приближаться? Будем перебегать от дома к дому? – предложил Боджа. И когда Икенна одобрительно кивнул, добавил: – Так точно избежим неприятностей и увидим М.К.О.

Мы ухватились за эту мысль. Шли от дома к дому, от угла к углу, обогнули крупную церковь и районы северян. Из переулков, в котором располагалась большая бойня, доносились мерзкая вонь и стук ножей по доскам – это мясники разделывали туши. Мы слышали гам: голоса покупателей и мясников постепенно становились громче – вместе со стуком. У ворот бойни двое мужчин расстелили коврики и, опустившись на колени, отбивали поклоны в молитве. В нескольких метрах от них стоял третий и омылся из пластмассового чайничка.

Мы перешли дорогу и оказались в нашем районе. У наших ворот стояла пара, мужчина и женщина. Они не отрывали глаз от книги, которую женщина держала в руках. Мы припустили бегом, то и дело украдкой озираясь по сторонам – не заметил ли нас кто из соседей, однако на улице было пусто. Мы прошли мимо небольшой церквушки, сложенной из тика, с цинковой крышей; на ее стене красовалось искусно выполненное изображение Иисуса: голову в терновом венце окружал нимб, из раны в боку по выпирающим ребрам текла кровь. Тут прямо по алым каплям пробежала, задрав хвост, ящерица; ее мерзкая фигура закрыла собой рану.

На открытых дверях лавок висела одежда, рядом стояли колченогие столики, заваленные помидорами, газированными напитками, пакетами с кукурузными хлопьями, молоком в жестяных банках и прочим. Напротив церкви располагался базар, занимавший приличную площадь. Процессия тем временем протиснулась по узкому проходу между стоявшими, как валуны, людьми, ларьками и лавочками; агитаторы шумели, привлекая внимание торговцев и посетителей. Скопление народа на рынке напоминало копошащуюся массу личинок. Обембе чуть было не лишился сандалии: какой-то мужчина своим тяжелым ботинком насту-

пил ему на ремешок застежки, Объембе рванул ногу, и ремешок лопнул. Сандалия с одним оставшимся передним ремешком превратилась в шлепанец, и дальше – пока мы топали с базара по изборожденной колеями грунтовке – Объембе подволакивал одну ногу.

Впрочем, далеко мы уйти не успели. Объембе остановился и, приложив ладонь к уху, неистово закричал:

– Слушайте, слушайте!

– Что такое? – спросил Икенна.

В этот момент до нас донесся шум, похожий на звуки, что издавала процессия, только ближе и отчетливей.

– Слушайте, – порывисто произнес Объембе, глядя в небо. И тут же закричал: – Ветролет! Ветролет!

– Вер-то-лет, – поправил Боджа. Говорил он гнусаво, потому что тоже запрокинул голову в небо.

Наконец вертолет пролетел над нами. Плавно опустившись с неба, он завис на уровне крыши двухэтажных зданий. Он был раскрашен в белый с зеленым – цвета Нигерии – и нес на борту, в центре овала, изображение готового к бегу белого коня. Рядом с открытой дверью сидели двое с флажками, почти закрывая собой еще двоих: человека в полицейской форме и мужчину в яркой *агбаде* цвета океанских вод, традиционном наряде йоруба. Район гудел, слышались крики: «М.К.О. Абиола!» Ревели клаксоны, мотоциклы оглушительно выли моторами, а где-то поблизости начала собираться большая толпа.

– М.К.О.! – взалхб кричал, подвывая, Икенна. – Это он, в вертолете!

Затем старший брат схватил меня за руку, и мы помчались к тому месту, где, как подумали, приземлится вертолет. Он стал садиться у великолепного здания, окруженного целым содружеством деревьев и девятифутовым забором с колючей проволокой. Здание, должно быть, принадлежало какому-нибудь влиятельному политику. Место посадки оказалось ближе, чем мы ожидали, и если не считать помощников и начальника охраны, которые дожидались М.К.О. у ворот, мы, к собственному удивлению, подоспели первыми. На бегу мы распевали одну из песен, которой сопровождалась избирательная кампания М.К.О., но остановились, глядя, как вертолет опускается на землю: быстро вращающиеся лопасти подняли тучу пыли, скрывшую М.К.О. и его жену Кудират, когда они выбирались из салона. Когда же пыль рассеялась, мы увидели, что и М.К.О., и его супруга облачены в сияющие традиционные одежды.

Начала собираться толпа. Охрана в форме и штатском образовала живой кордон у нее на пути. Люди радостно гудели, хлопали, окликали Вождя по имени, а тот махал в ответ рукой. Тут же Икенна начал петь одну церковную песню, которую мы передрали, переделали на свой лад и пели, чтобы умиловить мать, всякий раз, когда она злилась. Слово «Бог» мы поменяли на «мама», однако в тот день Икенна спел вместо «мама» «М.К.О.», и мы подхватили, крича во всю глотку:

М.К.О., ты велик превыше разуменья!

Не сказать о том в словах.

Ты превыше всякого сравненья

На земле и на Небесах!

Как измерить бескрайнюю мудрость?

Где пределы бездонной любви?

М.К.О., это большая трудность —

Описать дела Твои!⁹

⁹ Переделка песни Дарлин Чек «I Stand in Awe of You» («В восхищении стою пред Тобой»; переводчик неизвестен).

Мы уже пошли на второй круг, когда М.К.О. сделал знак помощникам, чтобы нас подвели к нему. Как одержимые, мы побежали Вождю навстречу и предстали перед ним. Вблизи его лицо было круглое, а голова – вытянутая кверху. Когда М.К.О. улыбался, его глаза светились и черты наполнялись благодатью. Он вдруг стал живым человеком, а не персонажем из мира телепрограмм и газетных статей; он стал таким же реальным, как отец или Боджа, Игбафе или мои одноклассники. Это прозрение внезапно испугало меня. Бросил петь и перевел взгляд с сияющего лица М.К.О. на его начищенные туфли: сбоку на них висела бляшка с рельефным изображением головы чудовища, похожего на горгону Медузу из «Битвы титанов», любимого фильма Боджи. Позднее, когда я упомянул об этой голове, Икенна рассказал, что как-то чистил отцовские ботинки с таким же точно рельефом. Правда, марку он правильно назвать не мог и произнес по буквам: «В-е-р-с-а-ч-е».

– Как вас зовут? – спросил М.К.О.

– Я – Икенна Агву, – представился Икенна, – а это мои братья: Бенджамин, Боджа и Обембе.

– А, Бенджамин, – широко улыбнулся Вождь. – Так зовут моего деда.

Его супруга, с блестящей сумочкой в руках, одетая в такое же широкое одеяние, что и М.К.О., наклонилась и потрепала меня по голове – так, как гладят лохматую собаку. Волосы у меня, правда, были короткие, и по черепу легонько чиркнуло что-то металлическое. Когда жена Вождя убрала руку, я понял, что это было: почти все пальцы у нее были унизаны перстнями. М.К.О. тем временем помахал рукой, приветствуя собравшуюся вокруг него толпу; люди скандировали слоган его кампании: «Надежда 93-го! Надежда 93-го!» Вождь какое-то время пытался обратиться к ним, повторяя слово *awon* – «эти» на йоруба, – на разные тона, но его не слышали.

Когда же наконец гомон стих и воцарилась относительная тишина, М.К.О. вскинул кулак и прокричал:

– *Awon omo yi nipe M.K.O. lewa ju gbogbo nkan lo!*

Толпа одобрительно взревела; кто-то даже свистел, сунув пальцы в рот. Вождь взирал на нас, дожидаясь, пока шум снова стихнет, а после продолжил по-английски:

– Сколько ни занимаюсь *политикой*, ни разу еще не слышал такого, даже от своих жен... – Толпа взорвалась смехом. – Мне вообще никто не говорил, что я велик превыше разуменья – «*pe mo le wa ju gbogbo nka lo*».

Снова раздался дружный веселый смех, а М.К.О. потрепал меня по плечу.

– Эти мальчики говорят, что словами не опишешь, как я чудесен.

Окончание фразы потонуло в оглушительном грохоте аплодисментов.

– Они говорят, что я превыше всякого сравненья.

Толпа снова захлопала, а когда успокоилась, М.К.О. разразился самым мощным из всех возможных криков:

– Да, превыше всякого сравненья во всей Федеративной Республике Нигерия!

Ликование толпы, казалось, никогда не стихнет. Наконец Вождь снова заговорил, но в этот раз он обратился не к ней, а к нам:

– Вы кое-что сделаете для меня. Все вы, – сказал он, обведя нас указательным пальцем. – Мы вместе сфотографируемся, а снимок используем в нашей кампании.

Мы все кивнули, и Икенна ответил:

– Да, сэр.

– *Oya*, встаньте рядом.

Он сделал знак одному из помощников – крепкому мужчине в тесном коричневом костюме и красном галстуке – подойти. Тот нагнулся и прошептал М.К.О. что-то на ухо – мы едва расслышали слово «камера». Почти сразу же появился одетый с иголочки фотограф в синей рубашке и при галстуке; на шее у него, на черном ремешке с логотипом «Никон», висела камера. Прочие помощники М.К.О. постарались немного оттеснить толпу, пока Вождь, отойдя от нас, здоровался с хозяином дома – политиком, стоявшим поблизости и терпеливо дожидавшимся, когда и ему уделят внимание. Затем М.К.О. снова обернулся к нам:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.